Артур Конан Дойл

ШЕРЛОК ХОЛМС

ЭТЮД В БАГРОВЫХ ТОНАХ

Этюд в багровых тонах
Артур Конан Дойл

Аннотация
Артур Конан Дойл. Шерлок Холмс. Этюд в багровых тонах

Аннотация

Обнаружено тело. Нет очевидной причины смерти. На месте преступления оставлена таинственная кровавая надпись: «РЭЙЧ»…

После того как загадочное убийство сбивает с толку полицию, лучшего в мире частного детектива просят взяться за дело. Вместе с доктором Ватсоном Шерлок Холмс начинает поиски мотивов мести, которая намного глубже, чем кто-либо подозревал…

Артур Конан Дойл
Шерлок Холмс. Этюд в багровых тонах

Шерлок Холмс

Всемирно известный частный детектив Шерлок Холмс разгадал сотни загадок и является автором таких увлекательных монографий, как «Ранние английские хартии» и «Влияние торговли на форму руки».

В свободное время разводит пчёл.

Д-р Джон Ватсон

Раненный в бою под Марваном, доктор Джон Ватсон оставил армию и переехал в квартиру 221Б на Бейкер-стрит. Там он с удивлением узнал, что его новый друг, Шерлок Холмс, ежедневно сталкивается с опасностями при раскрытии преступлений, и начал документировать эти расследо вания. Доктор Ватсон также ведёт врачебную практику.

Arthur Conan Doyle Sherlock Holmes: A Study in Scarlet
Adapted by: Stephanie Baudet
Copyright © Stephanie Baudet, 2019
Licensor: Sweet Cherry Publishing United Kingdom, 2020
© Анна Артемова, перевод, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Шерлока Холмса я встретил случайно. Кажется странным, что абсолютно случайные события могут иметь такое влияние на течение жизни, но именно это и произошло в тот день в Лондоне.

В 1879 году я вернулся в город, после того как пулевое ранение в плечо положило конец моей карьере военного хирурга. Моя пенсия едва покрывала проживание в отеле, а моё здоровье было слишком слабым для работы в качестве врача.

Я пропускал стаканчик в баре «Критерион», размышляя над тем, как найти жильё подешевле, когда кто-то похлопал меня по плечу. Я повернулся и увидел юного Стэмфорда, помогавшего мне,

когда я был врачом в больнице святого Варфоломея. Было очень приятно увидеть знакомое лицо, поэтому я позвал его на обед.

Мы поймали кеб и, пробираясь сквозь оживлённые улочки Лондона, я вкратце рассказывал ему о том, что со мной приключилось, пока мы не добрались до ресторана. Когда мы говорили, я осознал, насколько я был одинок до этого момента.

— Бедняга, — сказал Стэмфорд, когда мы сели за стол и потянулись к меню. — Должно быть, ваши травмы всё ещё доставляют беспокойство. Что у вас на уме сейчас?

КЕБ

Простой и относительно дешёвый вид общественного транспорта, вмещающий двух человек. Кеб с лёгкостью вписывается в повороты не опрокидываясь, несмотря на то что у него всего два колеса. Извозчик сидит снаружи, в задней части повозки, чтобы пассажиры могли поговорить наедине.

Другой вариант повозки – карета. У неё четыре колеса, и такой тип транспорта ещё называют гроулерами из-за шума, который они издают, передвигаясь по

мостовой. Они удобны для групп из более чем двух человек или при перевозке багажа.

— Поиск жилья, — ответил я. — Надеюсь, можно найти квартиру с удобствами и по приемлемой цене.

— Так странно, — сказал Стэмфорд. — Вы уже второй, кто говорит мне сегодня об этом.

— И кто же был первым? — поинтересовался я.

— Парень, работающий в химической лаборатории больницы, — ответил он. — Он не может найти никого, кто разделил бы с ним апартаменты, которые он нашёл на Бейкер-стрит.

— Тогда я тот, кто ему нужен! — воскликнул я. — Я бы предпочёл совместное проживание одиночеству.

Стэмфорд странно взглянул на меня поверх своих очков.

— Вы ещё не знаете Шерлока Холмса, — парировал он. — Есть вероятность, что он не станет вашим постоянным компаньоном.

— А что с ним не так?

— Да ничего особенного, — быстро ответил Стэмфорд. — Он немного странный в своих представлениях, но достаточно порядочный человек.

Он много знает о химии, да и в целом очень любознателен. Однако я понятия не имею, каковы его карьерные планы.

— А вы когда-нибудь задавали ему этот вопрос?

Стэмфорд потряс головой:

— Он не из тех людей, что любят говорить много о себе или о чём-то в этом роде.

— Мне бы хотелось с ним познакомиться, — с нетерпением сказал я. — Тихий и прилежный человек — как сосед он должен идеально мне подойти. В Афганистане мне хватило шума и беспокойств, которые запомнились мне на всю оставшуюся жизнь.

— Тогда заедем в лабораторию после обеда, — ответил Стэмфорд.

На пути в больницу Стэмфорд рассказал мне

ещё немного о человеке, с которым я вот-вот должен был познакомиться.

— Не вините меня, если вы с ним не поладите, — сказал Стэмфорд. — Я встречался с ним лишь пару раз в лаборатории.

— Если мы с ним не поладим, то расстаться будет довольно просто, — ответил я. — Но сдаётся мне, Стэмфорд, — добавил я, пристально глядя на него, — что есть некая причина, по которой вы не хотите брать на себя ответственность. Что же это? Скажите мне честно.

Стэмфорд засмеялся:

— Холмс кажется достаточно хладнокровным. Я думаю, что, если бы он проводил эксперимент, он бы без колебаний провёл его на друге, чтобы добиться результата. Не из злого умысла, поймите, — из простого любопытства — он бы провёл его и на себе тоже. У него страсть к точным наукам.

— Я разделяю его интерес.

— Да, но у него это может доходить до крайностей.

Я обдумывал эти слова, пока мы не доехали до больницы.

— Вот мы и на месте, — сказал Стэмфорд, когда мы вылезли из кеба, — сейчас вы увидите его своими глазами.

Мы свернули в узкий переулок и через небольшую боковую дверь вошли в больницу. Пройдя через всё здание, мы добрались до химической лаборатории. Широкие низкие столы были покрыты пробирками и горелками Бунзена с мерцающим синим пламенем. В комнате был только один человек, склонившийся над столом, поглощённый своей работой. Вдруг он торжествующе вскочил:

— Получилось! Получилось! — Он подбежал к нам с пробиркой в руке: — Я нашёл реагент, который вступает в реакцию с гемоглобином в крови! — Его лицо сияло от такого восторга, будто он нашёл золото.

ГЕМОГЛОБИН

Вещество в крови, придающее ей красный цвет. Он переносит кислород из лёгких в каждую клетку тела. Кровь, насыщенная кислородом, имеет ярко-красный оттенок. Артерии несут эту кровь прямо от сердца ко всем частям тела, а вены, в свою очередь, несут кровь обратно к сердцу. К тому времени она теряет бóльшую часть кислорода и становится более тёмной. Чтобы спасти жизнь, очень важно знать и понимать, идет ли кровотечение из вены или из артерии, используя это цветовое различие.

— Доктор Ватсон, это мистер Шерлок Холмс, — представил нас Стэмфорд.

— Как ваши дела? — Мужчина сжал мою руку так сильно, что это поразило меня. — Я так понимаю, вы были в Афганистане.

— Откуда вы об этом узнали? — изумлённо спросил я.

— Неважно, — сказал он, посмеиваясь про

себя, — а насчёт теста на гемоглобин… Без сомнения, вы понимаете всю его значимость?

— Это интересно, без сомнения.

— Да ведь это же самое значимое открытие за многие годы, проверенное на практике. Оно даёт нам достоверную информацию о происхождении пятен крови!

Он схватил меня за рукав пальто и потащил к столу, за которым работал.

— Давайте возьмём немного свежей крови, — сказал он, вонзая иглу в свой палец и набирая каплю крови в пипетку. — Теперь я добавлю эту кровь в литр воды. Видите, как сейчас выглядит чистая вода? Кровь полностью растворена.

В смесь он бросил несколько белых кристаллов и добавил несколько капель прозрачной жидкости. В одно мгновение содержимое стало красновато-коричневым, а затем коричневатый порошок осел на дно стеклянной банки.

— Ха! — воскликнул он, хлопая в ладоши, как

маленький ребёнок с новой игрушкой. — Что вы думаете об этом?

— Похоже, это очень точный тест, — сказал я.

— Старые опыты были неуклюжими и неопределёнными. Если бы этот тест был изобретён много лет назад, сотни людей, ныне ходящих по земле, понесли бы наказание за свои преступления.

— Абсолютно точно, — ответил я.

— Столько уголовных дел основано на одном и том же: коричневые пятна на одежде преступника — грязь, ржавчина, фрукты… или кровь? Теперь есть надёжный тест: тест Шерлока Холмса. — При этом высказывании он приложил руку к сердцу и поклонился, будто перед воображаемой публикой.

— Вас следует поздравить, — сказал я, удивлённый его энтузиазмом.

Тем не менее я, конечно же, понимал, насколько полезен такой тест для полиции.

Холмс ласково улыбнулся и наложил пластырь на проколотый палец. Я видел, что его руки были покрыты похожими кусочками пластыря и обесцвечены сильными кислотами.

— Мы приехали сюда по делу, — сказал Стэмфорд, садясь на табурет и толкая ещё один ко мне. — Мой друг ищет жильё, а вы жаловались, что вам не с кем разделить своё. Я подумал, что вас обоих необходимо познакомить.

Шерлоку Холмсу, казалось, понравилась идея

разделить со мной апартаменты.

— Я присматриваюсь к нескольким квартирам на Бейкер-стрит, — сказал он, — которые идеально мне подошли бы. Я обычно использую химические вещества и иногда провожу эксперименты. Вас не будет это раздражать?

— Конечно нет, — сказал я, хотя глубоко внутри себя немного опасался.

— Дайте-ка подумать, — продолжил мистер Холмс, глядя в пространство: — Что ещё входит в перечень моих недостатков? Временами я немного впадаю в депрессию и могу не говорить целыми днями. Вы не должны думать, что я не в себе, когда это происходит. Просто оставьте меня

в покое, и со мной всё будет хорошо. Как насчёт вас? Это хорошо, что мы узнаем друг о друге самое худшее, прежде чем начнём жить вместе.

— Я против громких звуков, потому что мои нервы расшатаны в результате боя. Я встаю в самые безбожные часы и очень ленив. Я до сих пор храню свой старый служебный револьвер, хотя, скорее, из сантиментов, чем для практического использования. Когда я в хорошем расположении духа, у меня появляется ещё один ряд пороков, но на этом пока достаточно.

— Вы включаете игру на скрипке в свой список раздражающих факторов?

— Это, безусловно, зависит от игрока, — сказал я. — Хорошо сыгранная скрипка — удовольствие для богов, но плохо сыгранная…

— Прекрасно! — воскликнул Холмс с весёлым

смехом. — Я думаю, что мы можем считать это дело решённым, если апартаменты вам подойдут. Зайдите за мной завтра в полдень, мы сходим туда вместе и всё уладим.

Мы пожали друг другу руки. Стэмфорд и я оставили его работать с химическими веществами, а сами пошли к моему отелю.

— Кстати, — внезапно спросил я, останавливаясь и поворачиваясь к нему: — Как он вообще узнал, что я был в Афганистане? Мой спутник загадочно улыбнулся.

— Это его маленькая особенность, — сказал он. — Многие люди задаются вопросом, откуда он порой знает всё до мелочей.

— Загадочно, не правда ли? — Я в нетерпении потёр руки. — Я безмерно благодарен вам за то, что вы свели нас вместе. Мне очень интересно изучение людей.

— Вам будет достаточно сложно его разгадать, — сказал Стэмфорд, прощаясь со мной. — Готов поспорить, он узнае́ т о вас больше, чем вы о нём.

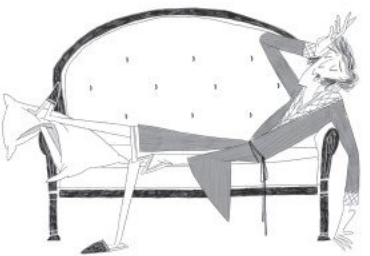
Мы пожали друг другу руки, и я вошёл в свой отель, долго раздумывая о новом знакомстве.

На следующий день я встретился с Шерлоком Холмсом, как и было условлено, и мы пошли посмотреть апартаменты 221Б по Бейкер-стрит. Две комфортабельные спальни и большая гостиная занимали первый и второй этажи с двумя широкими окнами, выходящими на Бейкер-стрит.

Стоимость была очень разумной, и мы сразу же договорились жить вместе. Я вернулся в отель, чтобы собрать свои вещи, и тем же вечером перевёз их. На следующее утро Шерлок Холмс переехал с несколькими коробками и чемоданами, и мы оба начали распаковывать вещи. Я был доволен и квартирой, и моим соседом.

221b

С Холмсом жить было несложно. Он почти всегда ложился спать до десяти вечера и уходил из дома до того, как я вставал утром. Часто он работал в больнице в почти лихорадочном темпе, но, как он и описывал, иногда казалось, что он впадал в своего рода меланхолию и целыми днями бездельничал на диване, не произнося ни слова.



Этот человек привлекал меня своей таинственностью всё больше и больше. Сама его внешность и манеры были необычными. Он был из тех людей, кто всегда привлекает к себе внимание окружающих из-за своего роста. Будучи более шести футов[1] ростом, он был настолько стройным, что казался ещё выше. Его глаза были

[1] Примечания: 1

Шесть футов равны примерно ста восьмидесяти трём сантиметрам (*здесь и далее примеч. редактора*).

пронзительными, а подбородок и ястребиный нос придавали ему решительный и настороженный вид.

У меня было достаточно времени для изучения Холмса, потому что я всё ещё был недостаточно здоров, чтобы продолжать работать врачом и даже выходить на улицу, если погода была плохой. У меня не было друзей, с которыми я мог бы проводить время, и поэтому я наслаждался тайной, которая витала вокруг Холмса. Я всё ещё не знал, чем именно он занимался. К одним предметам у него был огромный интерес, а к другим — нет. Он знал много случайных фактов, но ни один из них не привёл бы его к какой-либо карьере. О других более общих понятиях он не знал. Я обнаружил, что он ничего не знал о Солнечной системе, и я не мог поверить, что в девятнадцатом веке мог быть кто-то, кто не знал бы, что Земля вращается вокруг Солнца.

— Кажется, вы удивлены, — сказал он. — Но теперь, когда я это знаю, я сделаю всё возможное, чтобы забыть об этом.

— Чтобы забыть об этом?

— Понимаете, — объяснил он, — я считаю, что человеческий мозг подобен пустому чердаку: вы можете заполнить его всем, чем захотите, но

его ресурс конечен, поэтому вы должны мудро выбирать то, что считаете важным.

— Но речь ведь идёт о Солнечной системе! — возразил я.

— Ну а какая мне польза от этой информации? — нетерпеливо спросил он. — Вы говорите, что мы вращаемся вокруг Солнца. Но если бы мы вращались вокруг Луны, для моей работы это не составило бы никакой разницы.

Этот момент был отличной возможностью спросить, чем он занимается, но что-то в его выражении лица остановило меня. Однако я решил записать то, что до сих пор обнаружил.

Завершив список, я в отчаянии бросил его в огонь. Я хотел знать, для какой профессии нужны все эти достижения. Я сказал, что его игра на скрипке была хорошей, но, как и его темперамент, она была переменчивой. Он играл некоторые сложные пьесы, которые доставляли ему наибольшее удовольствие, но, когда он был предоставлен самому себе, он откидывался на спинку стула и бесцельно царапал скрипку, лежащую на его коленях.

Тогда не было узнаваемых мелодий, но у них было определённое настроение, как если бы он выражал свои мысли через музыку. Они могли

быть грустными и меланхоличными, даже фантастическими и весёлыми. Их прослушивание бывало мучительным для меня как слушателя, но он всегда компенсировал это, играя впоследствии несколько моих любимых произведений.

В течение первой недели у нас не было звонков, но затем начали звонить люди, по-видимому, всех слоёв общества. Приходил болезненного вида человечек с крысиным лицом, представившийся мне как мистер Лестрейд, который посещал нас три или четыре раза за неделю.

Шерлок Холмс
Знания:
Химия – обширные познания. Проводит

много экспериментов.

Ботаника – эксперт по ядам на растительной основе, но незнаком с садоводством.

Геология – способен по внешнему виду отличать разные виды почв.

Опытный боксёр и фехтовальщик.

Много знает об анатомии людей и животных.

Эксперт в области британского права и криминальной истории – знает каждую деталь каждого преступления, совершённого в этом веке.

Хорошо играет на скрипке.

Невежество:
Литература
Философия
Астрономия
Политика

В другой раз позвонила девушка. Она была молода, модно одета и пробыла у нас около получаса. В тот же день пришёл седой, потрёпанный на вид парень, а затем и довольно неопрятная пожилая женщина.

По прибытии любого из них Холмс извинялся

передо мной за неудобства, но просил оставаться в своей спальне во время визита.

— Я должен использовать эту комнату как место работы, — сказал он, — а эти люди — мои клиенты.

Я был ещё больше заинтригован.

Однажды утром я встал раньше обычного и обнаружил, что Холмс всё ещё завтракает.

Хозяйка, миссис Хадсон, ещё не приготовила мне кофе, поэтому я позвал её, позвонив в колокольчик. Затем я взял журнал и стал просматривать его, пока мой товарищ жевал тост.

В одной из статей была пометка карандашом, так что оттуда я, естественно, и начал читать. Она называлась довольно амбициозно — «Книга жизни».

«Наблюдательный человек может многому научиться путём точного и систематического изучения всего, что встречается на его пути».

Автор статьи утверждал, что может прочитать самые сокровенные мысли человека по выражению лица, подёргиванию мускула или блеску глаз; что ни обман, ни ложь не могут ускользнуть от человека, обученного наблюдению и анализу.

Я нетерпеливо вздохнул, но решил дочитать до конца. Автор продолжил:

«Искусство науки и дедукции требует долгой и терпеливой практики, для которой порой недостаточно и всей жизни. Прежде чем рассматривать наиболее сложные стороны вопроса, следует начать с более элементарных аспектов. Встретив кого-то незнакомого, нужно научиться с первого взгляда определять историю и род деятельности этого человека. По ногтям, рукавам пальто, ботинкам, заломам от коленей на брюках, рукам и выражению лица можно определить род его занятий».

— Что за трёп! — закричал я, швырнув журнал на стол. — Я никогда в жизни не читал такой ерунды!

— Что случилось? — спросил Холмс.

— Эта статья. Я вижу, что вы прочли её, потому что пометили здесь карандашом. Я не отрицаю, что она написана грамотно, но её содержимое меня просто раздражает. Это, должно быть, теория какого-нибудь бездельника, который придумал её, не выходя из кабинета и даже не вставая с кресла, поскольку она совершенно непрактична. Я бы хотел, чтобы этого умника посадили в вагон третьего класса метро и попросили рассказать о том, чем занимается каждый из его попутчиков. Готов спорить на деньги, что он не сможет этого

сделать.

— Тогда вы проиграете свои деньги, — спокойно сказал Холмс. — Я сам написал эту статью.

— Вы?

— Да. У меня есть талант как к наблюдению, так и к дедукции. Эти теории чрезвычайно практичны: настолько, что я полагаюсь на них абсолютно во всём.

— И как же эти теории помогают лично вам? — спросил я.

Наконец-то я должен был узнать, чем же он занимается.

— Ну, полагаю, что я такой единственный в мире. То есть детектив-консультант. В моём деле мне и помогают эти теории. Здесь, в Лондоне, много государственных детективов и много частных. Когда у этих ребят возникают проблемы, они все приходят ко мне. Они представляют мне все улики, и я, как правило, могу, с помощью

моих знаний истории преступлений, помочь им. Лестрейд — известный детектив. Недавно у него возникла проблема, связанная с делом о подделке документов, и именно это привело его ко мне.

— А все остальные?

— Это люди, которые попали в беду и нуждаются в небольшой помощи. Я слушаю их рассказ, они выслушивают мои комментарии, а затем я кладу в карман гонорар.

— То есть вы говорите, что, не выходя из комнаты, вы можете распутать какой-то узел, который они распутать не смогли, хотя они, в отличие от вас, видели каждую улику своими глазами?

— Совершенно верно, — сказал Холмс. — Время от времени всплывает дело, которое требует моего личного присутствия. Понимаете, у меня много знаний, которые я применяю в решении проблемы, а наблюдение — моя вторая натура. Даже вы были удивлены, когда я сказал вам при нашей первой встрече, что вы приехали из Афганистана.

— Вам, без сомнения, уже сказали об этом до нашей встречи.

— Ничего подобного. Я сразу понял, что вы приехали из Афганистана. В мгновение ока я подумал, что вы человек медицинского типажа, но

с виду похожи на военного. Из чего сделал вывод, что вы армейский врач. Вы только что приехали из тропиков, потому что у вас смуглое лицо, а это не естественный оттенок вашей кожи, что подтверждают светлые запястья. Вы претерпели трудности и болезни, о чём ясно свидетельствует ваше измождённое лицо. Левая рука была повреждена, потому что вы держите её неестественно. Где в тропиках английский армейский врач мог пройти через такие невзгоды и получить ранение в руку? Понятное дело, в Афганистане.

— Кажется простым, когда вы это объяснили, — сказал я с улыбкой.

Я подумал про себя, что Холмс, может быть, и умён, но мне показалось подозрительным, насколько точно он всё описал. Я подошёл к окну и посмотрел вниз по улице.

— В последнее время нет ни преступлений, ни преступников, — сказал Холмс. — Вы спросите, какая польза в том, чтобы быть эрудированным? Я хочу прославить своё имя, потому что нет никого, кто бы так много изучал историю преступлений, как я. Но каков результат? Ни один офицер Скотленд-Ярда не сможет решить дело, будь оно хоть немного непростым.

Мне надоело его высокомерие, поэтому я решил

сменить тему.

— Интересно, что ищет этот парень? — спросил я, указывая на простенько одетого мужчину, медленно идущего по другой стороне улицы и с тревогой смотрящего на числа на дверях.

В руке он держал большой синий конверт. Очевидно, он должен был его кому-то доставить.

— Вы имеете в виду того отставного сержанта морской пехоты? — спросил Холмс, присоединившись ко мне у окна.

Хвастун подумал я. *Вы знаете, я не могу подтвердить вашу догадку.*

Внезапно мужчина заметил номер на нашей двери, перешёл улицу, и тогда мы услышали

громкий стук в дверь, голоса в холле и его тяжёлые шаги по лестнице.

Дверь открылась.

— Для мистера Шерлока Холмса, — сказал мужчина, входя в комнату и передавая моему другу письмо.

Это была моя возможность преподать Холмсу урок.

— Могу я спросить, мой друг, чем вы занимаетесь?

— Посыльный, сэр, — грубо сказал тот. — Моя униформа сейчас в ремонте.

— А вы были?.. — спросил я, слегка взглянув на Холмса.

— Сержант, сэр, королевская лёгкая морская пехота, сэр. Могу идти, сэр?

Он щёлкнул каблуками, отдал честь и ушёл.

ПОСЫЛЬНЫЕ

Надёжные и правдивые, обычно это вышедшие на пенсию или раненые военнослужащие, которые устраиваются на работу швейцаром или охранником. Они очень лояльны к своим работодателям. Проницательные и наблюдательные, они становятся идеальными свидетелями.

Я был поражён этим наглядным доказательством способностей Холмса, но всё же в глубине души я задавался вопросом, было ли всё это подстроено, чтобы произвести на меня впечатление. Я посмотрел на него и заметил, что он закончил читать письмо. В его глазах было пустое выражение, как будто он был в глубоком раздумье.

— Как вы узнали? — спросил я.

— Что узнал? — бросил он раздражённо.

— Что он сержант лёгкой морской пехоты в отставке.

— У меня нет времени на эти мелочи, — сказал он резко, но потом улыбнулся: — Извините меня за грубость, но вы оборвали нить моих мыслей. Значит, вы сами не смогли догадаться, что он сержант лёгкой морской пехоты?

— Конечно нет.

— Даже через улицу я увидел большой синий якорь, вытатуированный на тыльной стороне его руки, что навело меня на мысли о море. У него была походка военного, а также обычные бакенбарды. Вот и готовый морпех. Он был человеком с некоторой долей самомнения и властным видом. Вы, должно быть, заметили движения его головы? Уверенный, респектабельный мужчина средних лет — всё это заставило меня поверить в

то, что он был сержантом.

— Превосходно! — воскликнул я.

— Обычное дело, — сказал Холмс, хотя по выражению его лица я заметил, что он был доволен моим удивлением и восхищением. — Я только что сказал, что преступников нет, но, похоже, я ошибался. Вы только посмотрите на это! — Он вручил мне записку, которую принёс посыльный.

— Не могли бы вы прочитать это вслух?

Грегсон — самый смышлёный полицейский в Скотленд-Ярде, — сказал Холмс. — Он и Лестрейд — сомнительный союз. Они оба энергичны, но крайне посредственны. Они не способны мыслить за пределами того, чему их учили. Они ревнивы, как парочка королев красоты. В этом случае будет весело, если этим делом займутся оба.

Мой дорогой мистер Шерлок Холмс,

ночью в доме номер три в Лористон-Гарденс, на Брикстон-роуд, произошло нечто плохое. Офицер увидел там свет около двух часов ночи и, поскольку дом пустовал, заподозрил неладное. Входная дверь была открыта, а в прихожей он обнаружил тело хорошо одетого джентльмена. В его кармане была визитка с именем Еноха Дж. Дреббера, Кливленд, штат Огайо, США. Ограбления не было, и нет никаких данных о том, как умер этот человек. В комнате кровь, но на теле нет ран. Всё произошедшее – загадка. Если вы сможете прийти в любое время до полудня, то найдёте меня здесь. Я оставлю всё как есть, пока не получу известие от вас. Если же вы не сможете приехать, я сообщу вам все подробности и буду очень признателен, если вы выскажете мне своё мнение.

Искренне ваш,
Тобиас Грегсон

— Нам нельзя терять ни минуты, — воскликнул я, поражённый его медлительностью. — Мне заказать кеб?

— Я не уверен, стоит ли мне вообще ехать туда, — сказал Холмс, подходя к окну и праздно глядя на улицу. — Я действительно самый ленивый человек, хотя могу быть достаточно активным, если того требует ситуация.

— Не тот ли это шанс, которого вы ждали?

— Дорогой мой, сказать, что это значит для меня? Если я раскрою эту тайну, будьте уверены, Грегсону и Лестрейду достанутся все лавры, поскольку они являются официальными лицами в этом деле.

— Но он ведь умоляет вас помочь им.

— Да, он знает, что я лучше него, но никогда не признается в этом никому, кроме меня. Однако мы можем пойти и взглянуть. Я решу дело своими методами и посмеюсь над ними напоследок. Ну давайте же, поехали!

Он спешно надевал пальто, показывая, что энергичный настрой настиг ленивого.

— Не забудьте шляпу, — сказал он.

— Вы хотите, чтобы я поехал с вами?

— Да, если у вас нет занятия получше.

Через минуту мы оба уже ехали в кебе, яростно мчащемся в сторону Брикстон-роуд.

Холмс был в прекрасном расположении духа, болтал о скрипках и различиях между ними, но я

молчал, чувствуя себя немного подавленным как из-за плохой погоды, так и из-за печального дела, свидетелями которого мы собирались стать.

— Похоже, вы не особо задумываетесь об этом деле, — сказал я.

— Было бы ошибкой строить теории, пока у нас нет всех улик. Это искажает суждение.

— Скоро вы увидите все улики своими глазами, — заметил я, указывая в сторону: — Это Брикстон-роуд, а вот и сам дом, если я не ошибаюсь.

— Похоже на то. Стой, извозчик, стой!

До дома оставалась ещё сотня ярдов[2], но он настоял, чтобы мы дошли до него пешком.

Дом номер три в Лористон-Гарденс выглядел пугающе. Это был один из четырёх домов, стоявших в стороне от улицы: два жилых и два незаселённых.

---

[2] Примечания: 2

Ярд (англ. *yard*) — метрическая единица измерения расстояния. Ярд равен 91,44 см.

В незаселённых домах окна были пустые, не считая надписей: «Сдаётся» на них. Маленькие палисадники заросли сорняками, и у каждого из них была желтоватая гравийная дорожка, ведущая к двери. Впереди, отделяя её от пешеходной дорожки, была трёхфутовая кирпичная стена с бахромой из деревянных перил наверху. К стене прислонился полицейский, уверенно сдерживая кучку зевак, вытянувших шеи в тщетной надежде хоть мельком увидеть, что происходит в доме.

Я представлял себе, что Холмс поспешит в дом, но вместо этого он расхаживал взад и вперёд

по тротуару, безучастно глядя на землю, небо, дома напротив и линию перил. Затем, пока я с любопытством наблюдал, он медленно прошёл по тропинке, не сводя глаз с земли. Дважды он останавливался, и один раз я, кажется, видел, как он улыбается и удовлетворённо восклицает. На мокрой почве было много следов, и, поскольку полиция приходила и уходила, я не представлял, как Холмс смог бы увидеть какие-либо значительные улики.

Тем не менее он показал, что может делать выводы, которые не могут сделать другие, и я не сомневался, что он что-то обнаружил в ходе своего осмотра.

У дверей дома нас встретил высокий бледный блондин с блокнотом в руке. Он бросился вперёд и энергично пожал руку Холмсу.

— Так любезно с вашей стороны приехать сюда, — сказал он. — У меня всё осталось нетронутым.

— Кроме этого, — сказал мой друг, указывая на тропинку. — Здесь было бы меньше беспорядка, если бы по ней прошлось стадо буйволов. Однако, несомненно, вы всё тщательно осмотрели, прежде чем позволили этому случиться.

— У меня так много дел в доме, что я оставил это мистеру Лестрейду.

Холмс взглянул на меня и насмешливо приподнял

нял брови.

— С такими профессионалами, как вы и мистер Лестрейд, мне здесь нечем будет помочь, — сказал он.

Грегсон потёр руки.

— Я думаю, мы исследовали здесь всё, что только можно было, — сказал он самодовольно.

— Вы приехали сюда на кебе? — неожиданно спросил Холмс.

— Нет, сэр.

— А мистер Лестрейд?

— Нет, сэр.

— Тогда пойдёмте осмотрим комнату.

Холмс зашёл в дом в сопровождении Грегсона. Я обдумывал, казалось бы, неуместный вопрос, который он задал, прежде чем сам вошёл в парадную дверь.

В коротком коридоре, ведущем в кухню, было две двери: одна находилась слева, а другая справа. Первая дверь была закрыта, а вторая открыта, представляя взору столовую, в которой произошло таинственное преступление. Холмс и Грегсон уверенно вошли в комнату, но я последовал за ними несколько неохотно, зная, что произошло внутри.

Это была большая квадратная комната без мебели. Стены были оклеены вульгарными обоями с крупным рисунком, местами покрытыми плесенью. Кое-где они отслоились и свисали, обнажая жёлтую штукатурку под ними. Напротив двери находился эффектный камин с полкой, на которой стоял огарок красной восковой свечи. Единственное окно было настолько грязным, что свет был приглушённым, придавая всему тускло-серый оттенок, который усиливался толстым слоем пыли, покрывающим всю комнату.

Все эти подробности я увидел сразу, но подметил только потом. Моё внимание было сосредоточено на единственной неподвижной фигуре, растянувшейся на половицах.

Это был мужчина лет сорока с небольшим, с вьющимися чёрными волосами и короткой щетинистой бородкой. Он был одет в тяжёлый сюртук, жилет и светлые брюки. Рядом с ним на полу лежал цилиндр.

Руки мужчины были сжаты и раскинуты по сторонам, а ноги в лодыжках скрещены. На его лице застыло выражение ужаса и ненависти, усиленное его низким лбом и выпирающей челюстью, придававшими ему обезьяноподобный вид.

Я никогда не видел столь устрашающего зрелища, усугубляемого тёмным, грязным домом.

Лестрейд, худощавый и, как и прежде, похожий на хорька, стоял у двери и поприветствовал нас.

— Это дело вызовет переполох, сэр, — заметил он. — Оно абсолютно отличается от всего, что я когда-либо видел.

— Никаких зацепок? — спросил Грегсон.

— Совсем ничего, — сказал Лестрейд.

Шерлок Холмс подошёл к телу и, опустившись на колени, внимательно осмотрел его.

— Вы уверены, что раны нет? — спросил он, указывая на брызги крови, которые были вокруг.

— Абсолютно точно! — воскликнули оба детектива.

— Тогда эта кровь должна принадлежать другому человеку — предположительно убийце, если это было убийство.

Пока он говорил, его ловкие пальцы летали туда-сюда, ощупывая, нажимая, расстёгивая и исследуя всё вокруг, в то время как его глаза имели знакомое отстранённое выражение. Осмотр был проведён так быстро, что едва ли можно было понять, насколько он был тщательным. Наконец он наклонился вперёд и понюхал губы мужчины, а затем взглянул на подошвы его кожаных ботинок.

— Его вообще не трогали?

— Не больше чем было необходимо для обследования.

— Тогда я закончил, — сказал Холмс, вставая.

По команде Грегсона вошли четыре человека с носилками и подняли на них тело. В этот момент на пол упало и со звоном прокатилось кольцо. Лестрейд поднял его и озадаченно уставился.

— Здесь была женщина. Это женское обручальное кольцо.

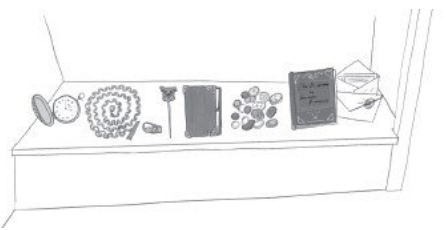
Говоря это, он держал кольцо в ладони. Мы все собрались вокруг и смотрели на него.

— Это усложняет ситуацию, — сказал Грегсон, —

как будто раньше это дело было недостаточно запутанным.

— Вы уверены, что это его не упрощает? — спросил Холмс. — Впрочем, хватит без толку глазеть на кольцо. Что вы нашли в его карманах?

— Всё есть здесь, — сказал Грегсон. Он повёл нас к груде предметов на одной из нижних ступенек лестницы, большинство из которых были украшениями. — Самым интересным здесь является этот русский кожаный футляр для карточек с визитками Еноха Дж. Дреббера из Кливленда, соответствующими буквам Е. Дж. Д. на одежде жертвы, и с двумя письмами — одно адресовано Е. Дж. Дребберу, а второе — Джозефу Стэнджерсону.



— По какому адресу?

— Американская биржа, Стрэнд. Оба письма из пароходной компании «Гион», чьи суда уходят в плавание из Ливерпуля. Ясно, что бедняга соби-

рался вернуться в Нью-Йорк.

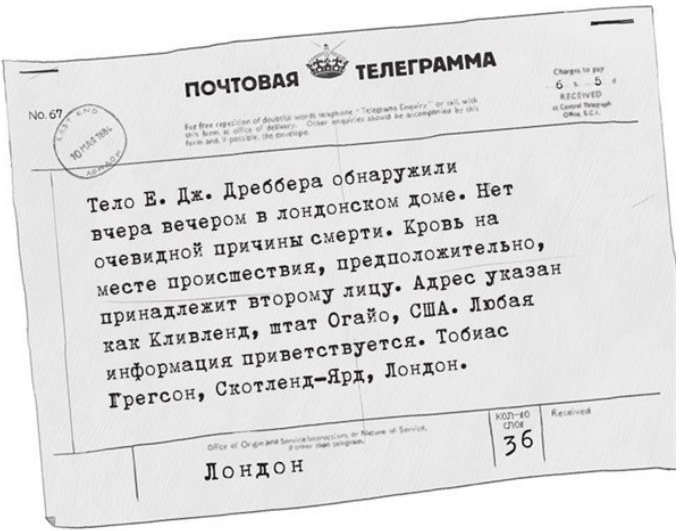
— Вы наводили справки об этом Стэнджерсоне?

— Я сразу это сделал, сэр, — сказал Грегсон. — Я разместил объявления во всех газетах, и один из моих людей поехал на американскую биржу, но ещё не вернулся.

— Вы связались с Кливлендом?

— Мы отправили телеграмму сегодня утром.

— Как вы сформулировали свои запросы?


ПОЧТОВАЯ ТЕЛЕГРАММА

No. 67

Charges to pay

RECEIVED

Тело Е. Дж. Дреббера обнаружили
вчера вечером в лондонском доме. Нет
очевидной причины смерти. Кровь на
месте происшествия, предположительно,
принадлежит второму лицу. Адрес указан
как Кливленд, штат Огайо, США. Любая
информация приветствуется. Тобиас
Грегсон, Скотленд-Ярд, Лондон.

Лондон

36

Received

— Мы просто объяснили, что произошло, и сказали, что будем рады любой информации.

ТЕЛЕГРАФИЯ
Самый быстрый способ связи.
Сообщения отправляются при помощи

электрической энергии и доставляются за считаные минуты, но они должны быть короткими, так как оплачиваются по слову. К сожалению, послания доступны для чтения всем и рискуют попасть не в те руки. По этой причине хорошо строить общение с помощью кодов. Сообщения необходимо пересылать из одного телеграфа в другой.

Холмс усмехнулся, читая сообщение Грегсона. Он, казалось, собирался сказать что-то ещё, когда Лестрейд, который находился в гостиной, пока мы были в холле, вышел, самодовольно потирая руки.

— Мистер Грегсон, — сказал он, — я только что сделал чрезвычайно важное открытие, которое не было бы замечено, если бы я не осмотрел внимательно стены.

Глаза маленького человечка сверкали, когда он говорил. Я видел, что он был доволен, что забил очко своему коллеге.

— Идите сюда, — сказал он, возвращаясь в комнату. Он чиркнул спичкой и поднёс её к стене: — Посмотрите на это!

В этом углу комнаты отклеился большой кусок обоев, обнажив жёлтый квадрат штукатурки. На этом голом пространстве кроваво-красными буквами было нацарапано одно слово:

РЭЙЧ

— Что вы думаете об этом? — воскликнул детектив. — Эта улика была упущена, потому что это был самый тёмный угол комнаты и никому и в голову не пришло посмотреть сюда. Убийца написал это своей кровью. Это доказывает, что это не было самоубийством. Почему был выбран именно этот угол? Я вам скажу. Видите свечу на камине? В тот момент она горела, поэтому этот угол был самой яркой, а не самой тёмной частью стены.

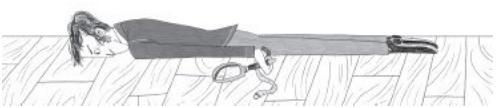
— И что это значит теперь, когда вы обнаружили улику? — спросил Грегсон.

Я заметил в его голосе намёк на насмешку.

— Что значит? Это означает, что убийца собирался написать имя Рэйчел, но был чем-то или кем-то прерван, прежде чем он успел закончить дело. Попомните мои слова: прежде чем это преступление будет раскрыто, вы обнаружите, что женщина по имени Рэйчел имеет к этому делу прямое отношение. Смейтесь, мистер Холмс. Вы

можете быть очень умны, но, в конечном счёте, старая гончая лучше.

— Я действительно прошу прощения, — сказал мой товарищ, который явно взбесил Лестрейда взрывом смеха. — Вы, безусловно, получаете очко за то, что первым выявили это, и, как вы говорите, похоже, что это было написано другим участником произошедшего. У меня ещё не было времени осмотреть эту комнату, поэтому, с вашего позволения, я сделаю это сейчас.



Говоря это, он вынул из кармана рулетку и увеличительное стекло и бесшумно зашагал по комнате, иногда останавливался или вставал на колени, а однажды лёг лицом на пол. Всё это время он говорил сам с собой, как будто забыл о нашем присутствии. Он издавал звуки восклицания, стоны и тихие возгласы надежды. Когда я

наблюдал за ним, он напомнил мне хорошо обученную ищейку, которая металась взад и вперёд, пока не натыкалась на запах.

Двадцать минут он был занят поисками, детально изучая улики, которые я даже не видел. В одном месте он осторожно собрал с пола небольшую кучку серой пыли и сложил её в конверт.

Наконец он добрался до слова на стене и изучил его с помощью увеличительного стекла, внимательно просматривая каждую букву. Кажется наконец удовлетворённый, он сунул рулетку и

увеличительное стекло обратно в карман.

Мне показалось, что Грегсон и Лестрейд наблюдали за движениями своего коллеги-любителя с большим любопытством и некоторым презрением. Очевидно, они не смогли оценить тот факт, который я уже начал понимать, — все малейшие действия Шерлока Холмса были направлены на какую-то конкретную практическую цель.

— Нашли что-то, сэр? — спросили они оба.

— У вас сейчас всё так хорошо получается, что было бы жаль, если бы кто-нибудь вмешался и лишил вас славы.

В его голосе был сарказм, который заставил меня внутренне улыбнуться. Я находил своего нового друга интересным человеком, за которым любопытно наблюдать, и, конечно же, человеком, умеющим позабавить.

— Я хочу поговорить с констеблем[3], который нашёл тело. Вы можете сообщить мне его имя и адрес?

— Он сейчас не при исполнении, — сказал Лестрейд, перелистнув страницу в своей записной

---

[3] Примечания: 3

Конста́бль (англ. *constable*) — административная должность в англоязычных странах (конная полиция по-современному; как правило, в правоохранительных органах). В современных Великобритании, США, Канаде, Новой Зеландии и др. констебль — низший полицейский чин.

книжке и передав её Холмсу.

«Джон Рэнс, Одли-Корт, сорок шесть, Кеннингтон-парк-гейт».

— Пойдёмте, доктор, — сказал Холмс, когда записал адрес, — нам следует разыскать его. Я скажу одну вещь, которая может помочь вам в этом деле, — продолжил он, обращаясь к двум детективам. — Убийца был мужчиной. Он был выше шести футов ростом, в расцвете сил, имел маленькие ступни для своего роста, носил грубые ботинки с квадратным носком и курил черуту[4].

Он приехал сюда со своей жертвой в кебе, запряжённом лошадью с тремя старыми подковами и одной новой. По всей видимости, у убийцы было красное лицо и очень длинные ногти на правой руке. Это всего лишь несколько характеристик,

[4] Примечания: 4

Чеpута — сигара с обрезанными при производстве концами; манильская сигара.

но они могут вам помочь.

Было забавно видеть недоверчивые взгляды Лестрейда и Грегсона.

— Если этого человека убили, тогда каким же способом это было сделано? — спросил Лестрейд.

— Яд, — коротко сказал Холмс и зашагал прочь. — И ещё кое-что, Лестрейд, — добавил он, оборачиваясь у двери: — «Рэйч» в переводе с немецкого означает «месть», так что не теряйте время на поиски мисс Рэйчел.

Эти последние слова были выпущены как выстрел и оставили двух конкурирующих детективов с открытыми ртами.

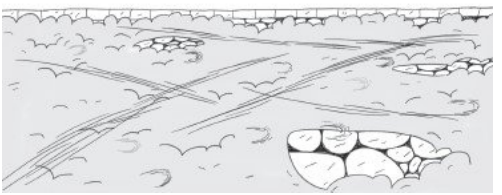
Был час дня, когда мы покинули Лористон-Гарденс. Затем мы пошли на телеграфную станцию, где Холмс отправил длинную телеграмму. Позже мы остановили кеб и приказали извозчику отвезти нас по адресу, который дал нам Лестрейд.

— Нет ничего лучше, чем самому обнаружить важные улики, — сказал Холмс, когда мы с грохотом проезжали по улице. — Я многое изложил по этому делу, но сейчас мы сможем узнать всё, что необходимо знать.

— Вы меня удивляете, Холмс, — сказал я. — Неужели вы не так уверены, как притворяетесь, в тех подробностях, которые изложили ранее?

— Ватсон, — сказал он, обращаясь ко мне. — Первое, что я заметил, подъехав к дому, было то, что кеб оставил две колеи, прижав колёса к обочине. Так вот, до прошлой ночи дождя не было уже неделю, так что эти следы, должно быть, были оставлены ночью.

Я кивнул. Это было похоже на правду.



— На дороге остались следы от копыт лошадей, — продолжал он, — и очертания одного следа были более чёткими, чем у трёх других, что указывает на то, что это была новая подкова. Кеб был там уже после дождя, но ни один детектив, как выяснилось, не приезжал туда на нём. Из чего следует, что это следы того самого кеба, на котором прошлой ночью приехали те двое мужчин.

— А что насчёт роста того человека?

— В большинстве случаев рост человека можно определить по ширине его шага. Я заметил следы этого парня как снаружи, в глине, так и в пыли

внутри дома. Кроме того, когда человек пишет на стене, он обычно пишет чуть выше уровня своих глаз. Надпись была расположена на высоте чуть более шести футов[5] от земли. Это было совсем несложно определить.

— А что насчёт его возраста?

— Что ж, если человек может шагнуть на четыре с половиной фута без каких-либо усилий, он, должно быть, всё ещё находится в расцвете сил. Такой была ширина лужи на тропе, которую он пересёк: человек в кожаных сапогах обошёл её, но человек с квадратными носами перепрыгнул прямо через неё. В этом нет ничего сложного. Я просто применяю несколько правил наблюдения и дедукции, которые я изложил в статье. Есть что-нибудь ещё, что вас озадачивает?

Теперь я мог видеть причину всех его тщательных поисков и внимательного изучения места происшествия, хотя я знал, что любые мои собственные наблюдения не привели бы к таким же выводам.

---

[5] Примечания: 5
Один фут равен примерно тридцати сантиметрам.

— Ну а что насчёт ногтей и сигары?

— Надпись на стене была сделана мужским указательным пальцем, измазанным в крови. Через увеличительное стекло я увидел, что штукатурка слегка поцарапана, что свидетельствует о том, что, по крайней мере, этот ноготь был длинным. Сигарный пепел я собрал с пола. Он оказался тёмным и чешуйчатым — такой производится только в Тируччираппалли[6]. Я изучал особенности сигарного пепла, Ватсон, и написал статью на эту тему.

Я провёл рукой по лбу.

— У меня голова идёт кругом, — сказал я. — Чем больше я думаю об этом деле, тем загадочнее оно становится. Почему эти двое мужчин пришли в пустой дом? Где извозчик, который их туда привёз? Откуда взялась кровь? Каков был мотив убийства, если это не было ограбление? Почему

---

[6] Примечания: 6

Тируччираппалли — город в южноиндийском штате Тамилнад. Известен благодаря бренду местных сигар черут, которые экспортируются в Соединённое Королевство начиная с XIX века.

там было женское кольцо? И, прежде всего, почему второй мужчина написал немецкое слово РЭЙЧ перед отъездом? Я не вижу логичного способа объяснить все эти факты.

Холмс одобрительно улыбнулся.

— Вы хорошо суммируете факты, — сказал он. — Есть ещё кое-что, что нужно объяснить, хотя я изложил своё мнение уже по всем основным фактам. Слово, написанное на стене, было лишь способом отвлечь внимание от вопроса. Оно не было написано на немецком языке, поскольку почерк не походит на тот, каким бы писал сам немец. Я не собираюсь подробно рассказывать вам об этом, Ватсон. Если я расскажу вам слишком много о своём методе работы, вы подумаете, что я, в конце концов, самый обычный человек.

Я улыбнулся:

— Ну что вы! Вы как никогда приблизили работу сыщика к точной науке.

— Я скажу вам ещё одну вещь, — сказал он. — Кожаные сапоги и Квадратные носы приехали вместе в кебе и вместе же прошли по тропинке. Когда они вошли внутрь, Кожаные сапоги стоял на месте, а Квадратные носы ходил взад и вперёд, становясь всё более возбуждённым. Я смог определить это по длине его шага в пыли. Он

всё время говорил, доводя себя до ярости. Затем произошла трагедия. Теперь я рассказал вам всё, что знаю. Мы должны поторопиться, потому что я хочу пойти сегодня на концерт оркестра Халле и послушать Вилму Норман-Неруду. Она великолепно играет на скрипке.

Во время этого разговора наш кеб пробирался по грязным улицам, чтобы наконец остановиться в самом грязном месте из всех.

— Одли-Корт там, — сказал извозчик, указывая рукой на узкий переулок в кирпиче мертвецки бледного цвета. — Я буду здесь же, когда вы вернётесь.

Мы пробирались сквозь толпу оборванных, грязных детей, которые с любопытством наблюдали за нами; пригибались под выцветшей, только что выстиранной одеждой и в конце концов пришли к дому номер сорок шесть. На двери

была небольшая медная табличка с выгравированным на ней именем Рэнс.

Холмс постучал, и дверь открыла темноволосая женщина, вытирая руки о фартук.

— Мы хотели бы поговорить с констеблем Рэнсом, — сказал Холмс.

Женщина оглянулась на лестницу:

— Он спит, сэр, но, если это важно, я его разбужу.

Она проводила нас в маленькую гостевую комнату.

Рэнс выглядел немного раздражённым из-за того, что его потревожили.

— Я описал всё в отчёте в офисе, — сказал он. — Если вы по поводу тела.

Холмс вынул из кармана полсоверена[7] и вращал его, глубоко задумавшись.

— Мы хотели бы услышать всё из ваших собственных уст, — сказал он.

— Я буду рад рассказать вам всё, что знаю, — ответил констебль Рэнс, не сводя глаз с золотой монеты.

— Опишите всё, что произошло, своими словами.

---

[7] Примечания: 7
Английская золотая монета в десять шиллингов.

— Я начну с самого начала, — сказал он. — Моя смена длилась с десяти вечера до шести утра. Не считая драки в одиннадцать вечера в «Белом олене», это была тихая ночь. В час ночи пошёл дождь, я встретил своего коллегу Мёрчера, и мы вместе стояли на углу Генриетта-стрит и разговаривали. Сразу после двух часов ночи я подумал, что необходимо проверить, всё ли в порядке на Брикстон-роуд. Было безлюдно, не было ни души, хотя пара кебов всё же проехала мимо меня. Я как раз подумал, как кстати пришёлся бы горячий напиток, когда внезапно отблеск света в окне привлёк моё внимание. Я знал, что те два дома в Лористон-Гарденс пустуют, потому что владелец ещё не отремонтировал канализацию. Последний жилец, живший в одном из них, умер от брюшного тифа. Я был удивлён, увидев свет в окне, и заподозрил неладное. Когда я подошёл к двери…

— Вы остановились, а затем пошли обратно к воротам, — прервал его мой спутник. — Почему вы так поступили?

Рэнс подпрыгнул и уставился на Холмса с крайним изумлением на лице.

— Да, так оно и было, сэр, — сказал он, — хотя я не имею ни малейшего представления, как вы узнали об этом. Понимаете, когда я подошёл к двери, было так тихо и безлюдно, что я подумал, что лучше не идти туда одному. Я не многого боюсь, но подумал, что там может быть призрак того парня, который умер от тифа. Я огляделся по сторонам, чтобы посмотреть, нет ли поблизости Мёрчера, но ни его, ни кого-либо ещё на улице

не было видно.

— На улице никого не было?

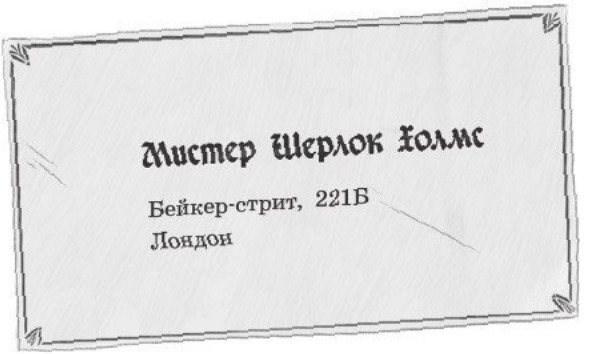
— Ни души, сэр. Поэтому я вернулся и толкнул дверь. Внутри было тихо, поэтому я прошёл в комнату, где горел свет. На камине мерцала свеча, и в её свете я увидел…

— Да, я знаю, что вы увидели. Вы несколько раз обошли комнату и опустились на колени перед телом, а затем вы прошли через кухню и попытались открыть дверь, а затем…

Джон Рэнс вскочил на ноги с испуганным выражением лица и подозрением в глазах.

— Где вы спрятались, чтобы всё это увидеть? — воскликнул он. — Мне кажется, вы знаете гораздо больше, чем следовало бы.

Холмс засмеялся и бросил свою личную карточку через стол.



— Я не убийца, — сказал он. — Я одна из гончих, а не волк. Мистер Лестрейд и мистер Грегсон это подтвердят. Что вы сделали дальше?

Рэнс снова сел, всё ещё с озадаченным выражением лица, и я посочувствовал ему.

— Я вернулся к воротам и дал свисток. Пришли Мёрчер и ещё двое.

— Тогда улица была пуста?

— Я бы сказал, там не было никого, кто мог бы быть нам полезен.

— Что вы имеете в виду?

Констебль ухмыльнулся:

— Я видел много пьяных парней в своё время, но никогда таких, как этот парень. Он на ногах не мог стоять, уж тем более помочь. Мы бы отвели

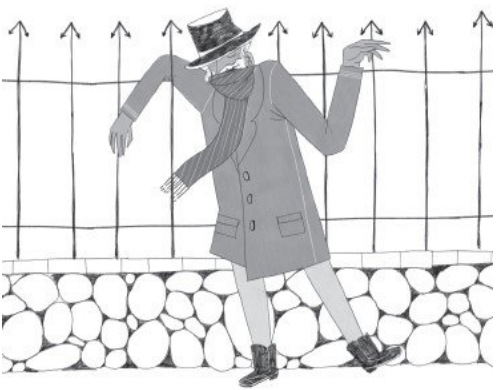
его в участок, если бы не были так заняты.

— Вы обратили внимание на его лицо? Его одежду? — нетерпеливо оборвал его Холмс.

— Вроде того, потому что мне пришлось ему помочь, — мне и Мёрчеру. Мы взяли его под руки так, что он оказался между нами. Это был высокий парень с красным лицом, нижняя часть которого была скрыта шарфом…

— Достаточно, — сказал Холмс. — Что с ним стало?

— У нас было достаточно работы и без того, чтобы заботиться о нём. Готов поспорить, он нашёл дорогу домой.



— Как он был одет?

— Коричневое пальто.

— Был у него в руке хлыст?

— Хлыст? Нет.

— Он, должно быть, оставил его, — пробормотал Холмс. — Вы не слышали или не видели кеба после этого?

Рэнс покачал головой:

— Нет.

— Вот вам полсоверена, — сказал мой товарищ, вставая и беря шляпу. — Боюсь, вы никогда не подниметесь по служебной лестнице, Рэнс. Мы ищем человека, которого вы держали в своих собственных руках. Пойдёмте, доктор.

Мы вернулись к кебу, оставив констебля в смятении.

— Глупый дурак! — с горечью сказал Холмс, когда мы ехали обратно к себе на квартиру. — Только представьте, какая ему улыбнулась удача, а он даже не воспользовался ею.

— Боюсь, для меня это тоже загадка, — признался я. — Да, описание мужчины совпадает с вашим представлением о преступнике, но почему он вернулся в дом, покинув его?

— Кольцо — всё дело в нём. Вот для чего он вернулся. Если у нас нет другого способа поймать его, мы всегда можем наживить нашу удочку кольцом. Я найду его, доктор, и за это я должен поблагодарить вас. Я мог бы не поехать на встречу, если бы не вы, и пропустил бы лучшее расследование, которое я когда-либо видел. Получается, этюд в багровых тонах? Через гобелен жизни проходит алая нить убийства, которую мы и должны найти. А теперь обед, потом концерт. Игра Норман-Неруды великолепна. Что это за мелодия Шопена, которую она так великолепно играет? Тра-ла-ла…

Откинувшись на спинку сиденья, Холмс пел, словно жаворонок, пока я пытался размышлять над многогранностью человеческого разума.

После того как Холмс ушёл на концерт, я лёг на диван, чтобы вздремнуть пару часов.

Утро было утомительным, и я всё ещё чувствовал себя не совсем хорошо. Тем не менее эта попытка оказалась тщетной.

Мой разум был полон действий и умозаключений Холмса. Я вспомнил, как он обнюхал губы

мужчины. Несомненно, он обнаружил что-то, что заставило его предположить яд. Кроме этого, на теле не было никаких следов, но вокруг было много крови. Ни оружия, ни признаков борьбы.

Холмс вернулся поздно, и я знал, что концерт не продлился бы так долго. Ужин был на столе ещё до его появления.

— Это было великолепно! — сказал он, и посмотрел на меня повнимательнее: — Что случилось? Вас расстроило дело на Брикстон-роуд?

— По правде говоря, да, — сказал я. — Вы могли бы подумать, что после моего опыта в Афганистане я стал более ожесточённым.

— Я могу понять. Загадка этого дела возбуждает воображение. Вы видели вечернюю газету?

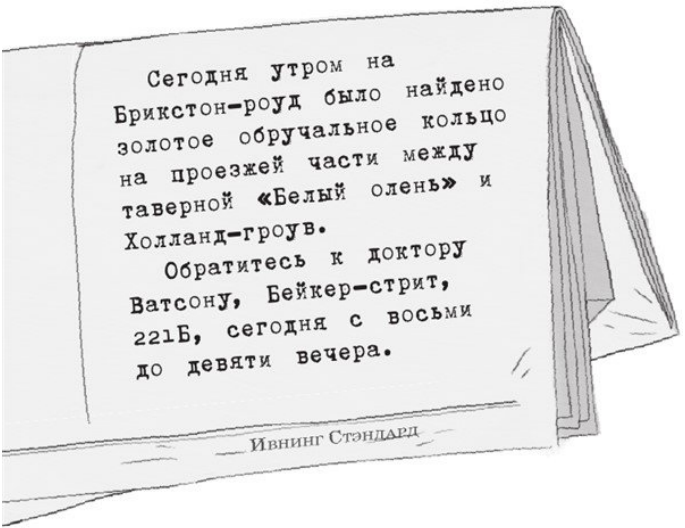
— Нет.

— Это подробный отчёт о происшествии, хотя в нём не упоминается о кольце, что к лучшему.

— Почему?

— Посмотрите на это объявление, — сказал он. — Сегодня утром я разослал его в каждую газету.

Он бросил мне её, и я взглянул на указанное место. Это было первое объявление в колонке «Находки»:



— Простите, что использовал ваше имя, — сказал он. — Если бы я использовал своё, кое-кто мог бы догадаться.

— Всё в порядке, — сказал я, — но у меня нет кольца.

— О, да нет же, есть, — сказал Холмс, протягивая

мне кольцо: — С этим всё в порядке.

— И кто же, по вашему мнению, ответит на это объявление?

— Тот самый человек в коричневом пальто — наш краснолицый друг в обуви с квадратными носами. Если сам не приедет, то пришлёт сообщника.

— Вы не думаете, что он сочтёт это слишком опасным?

— Нисколько. Я думаю, что этот человек скорее рискнёт чем угодно, чем потеряет кольцо. Я считаю, что он уронил его, наклонившись над телом Дреббера. Выйдя из дома, он обнаружил свою пропажу. Он поспешил обратно, но обнаружил там полицию, поэтому притворился пьяным, чтобы его не заподозрили. Он мог предположить, что уронил кольцо на дороге, поэтому заглянет в газеты, чтобы узнать, было ли оно найдено. Почему он должен бояться ловушки? Он не видит причин, по которым обнаружение кольца должно иметь какое-либо отношение к убийству. Он придёт. Он покажется в течение часа.

— А что потом?

— А потом вы оставите меня с ним наедине. Вы сказали, что у вас есть пистолет?

— Да, мой служебный револьвер.

— Лучше его подготовить. Я люблю быть готовым ко всему.

Я пошёл в свою комнату и сделал то, о чём он просил. Когда я вернулся с оружием, Холмс был занят своим любимым занятием — бренчанием на скрипке.

— Сюжет крепчает, — сказал он, когда я вошёл. — Я только что получил ответ на свою американскую телеграмму. Моя точка зрения по делу правильная. Положите пистолет в карман. Когда парень придёт, говорите с ним как обычно. Остальное оставьте мне.

— Сейчас восемь часов, — сказал я, вынимая карманные часы и открывая их.

— Да. Вероятно, он будет здесь через несколько минут. Слегка приоткройте дверь и вставьте ключ в замок.

Пока он говорил, раздался резкий звонок в дверь. Холмс мягко поднялся и передвинул свой стул лицом к двери. Мы слышали, как миссис Хадсон пересекла холл и открыла дверь. Я обнаружил, что затаил дыхание в ожидании.

— Здесь живёт доктор Ватсон? — спросил ясный, но довольно резкий голос.

Затем мы услышали, как человек неуверенно и шаркающе поднимается по лестнице. Пока Холмс прислушивался к звукам, на его лице промелькнуло удивление.

В дверь тихонько постучали.

— Войдите, — крикнул я.

Вместо мужчины, которого мы ждали, в комнату вошла очень старая морщинистая женщина. Она сделала реверанс, затем встала, моргая своими мутными глазами, и трясущимися пальцами стала шарить в кармане.

Я взглянул на Холмса, и у него было такое мрачное выражение лица, что всё, что я мог сделать, это сохранить уверенный вид.

Старушка вытащила вечернюю газету и указала на наше объявление.

— Это то, что привело меня к вам, добрые джентльмены, — сказала она. — Золотое обручальное кольцо на Брикстон-роуд. Оно принадлежит моей внучке Салли, которая вышла замуж в это же время ровно год назад. Её муж моряк, и если он придёт домой и увидит её без кольца, то случится конфликт и ей несдобровать. У её мужа скверный характер в лучшие времена, но ещё хуже он становится после выпивки. Вчера вечером она ходила в цирк вместе с…

— Это её кольцо? — перебил я. — Слава Госпо-

ду! — воскликнула женщина. — Салли будет рада этой новости. Это то самое кольцо.

— А какой у вас адрес? — спросил я, беря карандаш.

— Хаундсдич, дом триннадцать по улице Данкан. Достаточно далеко отсюда.

— Брикстон-роуд не пересекается с цирком и Хаундсдичем, — резко сказал Холмс.

Старуха повернулась и посмотрела на него:

— Джентльмен спросил мой адрес. А моя внучка Салли живёт в квартире по адресу: Мэйфилд-плейс, три, Пекхэм.

— А вы?..

— Моя фамилия Сойер, а её — Деннис, как у мужа, Томаса Денниса. Он, вообще-то, человек умный, чистоплотный, пока он в море…

— Миссис Сойер, вот ваше кольцо, — прервал я Холмса. — Я рад, что могу вернуть его законному владельцу.

Пробормотав множество слов благодарности и благословений, старушка сунула кольцо в карман и спустилась вниз по лестнице.

Холмс вскочил на ноги в тот момент, когда она ушла, и исчез в своей спальне, затем снова появился — укутанный шарфом и в пальто.

— Я прослежу за ней, — сказал он. — Она долж-

на быть сообщницей и приведёт меня к нему. Подождите меня здесь.

Глядя в окно, я наблюдал, как старушка Сойер шаркает по улице, а её преследователь остаётся на некотором расстоянии позади. Холмсу не следовало просить меня подождать его. Уснуть не представлялось возможным, пока я не узнаю о том, как закончилось это приключение.

Я устроился читать книгу. Прошло время, и, наконец, незадолго до полуночи я услышал скрежет ключа. В тот момент, когда Холмс вошёл в комнату, я понял, что его план не удался. Его лицо выражало то веселье, то досаду, но в конце концов он разразился громким смехом.

— Я бы не хотел, чтобы люди из Скотленд-Ярда узнали об этом, ради всего святого! — сказал он. — Сам бы я не хотел услышать о такой развязке.

— Что случилось?

— О, я не против рассказать вам эту историю. Женщина прихрамывала и остановила проезжающую карету. Она дала извозчику адрес таким громким голосом, что, должно быть, слышала вся улица. «Езжайте по адресу Данкан-стрит, тринадцать, Хаундсдич», — воскликнула она. Когда она была внутри, я запрыгнул в заднюю часть кареты — это искусство, которым должен

обладать каждый детектив, — и мы тронулись.

Когда мы добрались до Данкан-стрит, я спрыгнул ещё до того, как карета остановилась, потом спрыгнул извозчик и открыл дверь, но никто оттуда не вышел. Он был в ярости, не увидев ни следов пассажира, ни оплаты за проезд. Я опросил жителей дома номер тринадцать, но они никогда не слышали о людях по фамилии Сойер или Деннис.

Я не мог не улыбнуться:

— Вы имеете в виду, что эта немощная старуха смогла выйти из движущегося экипажа, и ни вы, ни водитель её не заметили?

— Будь проклята эта старуха! — резко сказал Холмс. — Нас определённо обвели вокруг пальца. Это, должно быть, был очень подвижный молодой человек с актёрским талантом. Он знал, что за ним следят, и ускользнул от меня.

Я внезапно почувствовал, что очень устал, и решил пойти спать, оставив Холмса сидеть перед камином, но поздно ночью я услышал плач его скрипки и понял, что он всё ещё размышляет о странной проблеме, в которой он хотел разобраться.

На следующий день в газетах только и говорилось, что о «Тайне Брикстона», — так они назвали это дело.

Мы с Холмсом вместе читали эти статьи за завтраком, и, похоже, они сильно его позабавили:

— Я говорил вам, что Лестрейд и Грегсон получат всю славу.

Дэйли Кьюс

10 мая 1884 года

Подобное беззаконие обычно происходит при нестабильном правлении правительства, что ведёт к ослаблению власти... Мы рады узнать, что г-н Лестрейд и г-н Грегсон из Скотленд-Ярда оба работают над делом, и мы с уверенностью ожидаем, что эти проницательные офицеры быстро прольют свет на это загадочное преступление.

ИНГ СТЭНДАРД

10 мая 1884 года

Нет сомнений в том, что это преступление имело политический подтекст. Необходимо приложить все усилия, чтобы найти секретаря, мистера Стэнджерсона, чтобы узнать о привычках покойного.

Большим шагом стало обнаружение дома, в котором он поселился, — результат, который был полностью обусловлен проницательностью и энергией мистера Грегсона из Скотленд-Ярда.

— Это зависит от того, чем обернётся это дело.

— Это не имеет никакого значения, — ответил Холмс. — Если человека поймают, то это произойдёт посредством их усилий, а если он сбежит, то это произойдёт вопреки их усилиям.

В этот момент в холле и на лестнице послышался топот, сопровождаемый криками миссис Хадсон.

— Что это происходит? — воскликнул я.

— Это криминалистический отряд Бейкер-стрит, — сказал мой товарищ.

Как только он это произнёс, дверь распахнулась, и вбежало полдюжины самых грязных и оборванных детей, каких я когда-либо видел.

— Внимание! — резко крикнул Холмс, и шестеро юных сорванцов выстроились в шеренгу, как маленькие солдатики. — В следующий раз вы должны отправить одного Виггинса с докладом. Ну что, вы нашли его, Виггинс?

— Нет, сэр, — сказал один из мальчиков.

— Я и не ожидал, что вы сможете. Вы должны продолжать искать, пока не найдёте его. Вот ваша зарплата. — Он вручил каждому по шиллингу. — А теперь вперёд, и в следующий раз жду вас с отчётом получше.

Он махнул рукой, и они побежали вниз. В следующий момент мы услышали их пронзительные голоса на улице.

— От каждого из этих мальчишек пользы больше, чем от дюжины солдат, — заметил Холмс. — Один лишь вид официального лица заставляет человека молчать. Однако эти молодые люди ходят повсюду и всё слышат. Они очень проницательны.

— Вы наняли их для этого дела на Брикстон-роуд? — спросил я.

— Да, есть один момент, который я хочу прояснить. Это просто вопрос времени, — загадочно сказал он. — Сейчас нам сообщат новости! Вот Грегсон идёт по дороге с самодовольным выражением лица. Да, он останавливается!

Раздался звонок в дверь, и через несколько секунд Грегсон ворвался в нашу гостиную.

— Милый мой, — крикнул он, пожимая Холмсу руку: — Поздравьте меня! Теперь всё ясно как день!

На лице Холмса промелькнула лёгкая тревога:

— Вы имеете в виду, что вы на правильном пути?

— Так точно! Да, сэр, у нас есть подозреваемый, которого мы посадили под замок.

— И его зовут?

— Артур Шарпентье, младший лейтенант флота её величества, — воскликнул Грегсон, горделиво выпятив грудь и потирая пухлые руки.

Холмс издал облегчённый возглас и улыбнулся:

— Присаживайтесь. Мы очень хотим знать, как вам это удалось. Не хотите виски?

— Я не против, — ответил детектив. — Огромные усилия, которые я приложил к этому делу за последние пару дней, измотали меня. Умственные нагрузки тоже. Вы оцените это, мистер Шерлок Холмс, потому что мы оба специалисты умственного труда.

— Вы оказываете мне слишком много чести, — сказал Холмс. — Расскажите лучше, как вы

пришли к такому результату.

Детектив сел в кресло и отпил свой напиток. Затем он внезапно хлопнул себя по бедру от удовольствия.

— Самое интересное, — сказал он, — что этот дурак Лестрейд, который считает себя таким умным, вообще пошёл по ложному пути. Он охотится за секретарём Стэнджерсоном, который не имеет никакого отношения к преступлению.

Эта идея так сильно забавляла Грегсона, что он смеялся, пока чуть не подавился.

— И как вы это поняли?

Грегсон посмотрел на меня:

— Конечно, доктор Ватсон, это строго между нами. Первой трудностью было найти родственников жертвы в Америке. Я не мог дождаться ответа на своё объявление. Вы помните шляпу рядом с трупом?

— Да, — ответил Холмс, — от Джона Андервуда и сыновей, Чемберуэл-роуд, сто двадцать девять.

Грегсон выглядел подавленным.

— Я понятия не имел, что вы заметили адрес, — сказал он. — Вы ходили туда?

— Нет.

— Ха! — с облегчением сказал Грегсон. — Ну а я пошёл к Андервуду, он просмотрел свои записи и

обнаружил покупателя. Это был мистер Дреббер, проживающий в пансионе Шарпентье на Торкитеррас. Таким образом, я получил его адрес.

— Умный, очень умный ход, — пробормотал Холмс.

— Затем я посетил мадам Шарпентье, — продолжил Грегсон. — Она была очень бледна и расстроена. В комнате была и её дочь, очень красивая девушка, но глаза покраснели, а губы дрожали, когда я говорил с ней. И здесь я почувствовал неладное. Вы знаете, каково это, мистер Шерлок Холмс, когда вы улавливаете правильное направление, — это щекочет нервы. Я спросил, слышала ли она о смерти их постояльца, мистера Еноха Дреббера. Она кивнула и, не способная произнести ещё хоть слово, девушка расплакалась. Было очевидно, что они что-то знали. Отвечая на

мой вопрос, мадам Шарпентье сказала мне, что Дреббер вышел из дома в восемь часов. Его секретарь, мистер Стэнджерсон, сказал, что есть два поезда, и он должен успеть на тот, что в девять пятнадцать. Я спросил, был ли это последний раз, когда они видели его, и её лицо покраснело. Прошла пара секунд, прежде чем она смогла сказать «да». Однако через несколько мгновений дочь заговорила спокойно, предлагая матери сказать правду: они действительно видели мистера Дреббера после этого.

Мы с Холмсом молчали, внимая каждому слову Грегсона.

— Мать повернулась ко мне, — продолжил он, — и сказала, что расскажет мне всё. Она объяснила, что её волнение было вызвано не тем, что она на минуту подумала, что её сын имеет какое-то отношение к преступлению, а тем, что это, безусловно, будет выглядеть именно так. Я сказал ей, что, если её сын невиновен, ему нечего бояться. Мистер Дреббер был у них в течение трёх недель, после того как вернулся из путешествия по всему континенту со своим секретарем мистером Стэнджерсоном. Стэнджерсон был тихим, сдержанным человеком, но его работодатель был прямо противоположным. К полудню он всегда

был пьян, и его манеры по отношению к слугам были отвратительными.

Кажется, он поступал так же и с её дочерью, а однажды фактически схватил её за руку и приобнял. Мадам Шарпентье предупредила его о выселении из её пансионата. Дреббер перестал, но вскоре всё вернулось на круги своя, а из-за алкоголя стало только хуже. В тот день он ворвался в дом, сказав, что опоздал на поезд. Затем он повернулся к дочери и предложил ей поехать с ним в Америку. Бедная Алиса закричала, и в этот момент в комнату вошёл её брат Артур. Дреббер метнулся к двери, брат последовал за ним. Артур вскоре вернулся, остановился в дверях с палкой в руке и сказал… — Грегсон посмотрел в свой блокнот: — Он сказал: «Не думаю, что этот парень снова нас побеспокоит. Я пойду за ним и прослежу, куда он пойдёт». Он схватил шляпу и ушёл, а на следующее утро пришло известие о загадочной смерти Дреббера.

Грегсон посмотрел на нас:

— Итак, вы видите, джентльмены, это указывает на его вину. Мадам Шарпентье сказала, что её сын вернулся домой поздно, потому как сама она пошла спать в одиннадцать. Поскольку сын служил на флоте, его было легко найти, и я немед-

ленно арестовал его. Он знал, о чём идёт речь.

— И какова же тогда ваша версия? — спросил Холмс.

— Он последовал за Дреббером до Брикстон-роуд, где произошла ещё одна стычка. Дреббер получил удар палкой, возможно в живот, который и убил его, не оставив видимых следов. Ночь была дождливой, поэтому на улице никого не было, и Шарпентье затащил его тело в пустующий дом на соседней улице. Что касается свечи, крови и надписи на стене — это всё может быть уловками, чтобы навести полицию на ложный след.

— Молодец! — ободряюще сказал Холмс. — Нам стоило сделать то же, что и вы, Грегсон.

— Я польщён тем, что провернул всё довольно аккуратно, — гордо сказал Грегсон. — Молодой человек сделал заявление, в котором говорилось, что он некоторое время следовал за Дреббером, а затем Дреббер взял кеб, чтобы уйти от него. Шарпентье говорит, что встретил старого товарища по флоту, и они вместе долго гуляли. Однако он

не смог сообщить адрес этого моряка. Я думаю, что всё это прекрасно сочетается друг с другом, и меня забавляет, что Лестрейд идёт по ложному следу. Клянусь Богом, вот же он сам!

Во время нашего разговора действительно вошёл встревоженный Лестрейд. Он стоял в центре комнаты, смущённый, и возился со шляпой.

— Это очень загадочное дело, — сказал он.

— Вы так ничего и не нашли, — торжествующе сказал Грегсон. — Я думал, вы хоть к чему-то придёте. Вам удалось найти секретаря, мистера Джозефа Стэнджерсона?

— Секретарь, мистер Джозеф Стэнджерсон, — серьёзно сказал Лестрейд, — был убит в частной гостинице «Холлидей» сегодня около шести часов утра.

Информация была настолько неожиданной, что мы все трое были ошарашены. Грегсон вскочил со стула, пролив виски. Я молча смотрел на Холмса, губы которого были сжаты, а брови нахмурены.

— И Стэнджерсон тоже, — пробормотал он. — Краски сгущаются.

— Вы уверены? — спросил Грегсон.

— Я только что от него, — сказал Лестрейд. — Я был первым, кто узнал, что произошло. Я был уверен, что Стэнджерсон замешан в смерти Дреббера, но теперь вижу, что я ошибался. Их видели вместе в восемь тридцать вечера на станции Юстон, а затем в два часа ночи Дреббера нашли убитым. Я хотел узнать, чем тем временем занимался Стэнджерсон. Я телеграфировал в Ливерпуль и попросил их присмотреть за пассажирами кораблей, направляющихся в Америку. Затем я принялся за работу, обзвонив все отели возле Юстона, думая, что Стэнджерсон остановился бы где-нибудь на ночь, прежде чем сесть на поезд утром.

— Должно быть, они заранее договорились где-нибудь встретиться, — сказал Холмс.

— Так оно и было. Этим утром я продолжил поиски и наконец добрался до частной гостиницы «Холлидей» на Литл-Джордж-стрит. Там подумали подумали, что я тот джентльмен, которого он ожидал, и молодой служащий провёл меня в его комнату на втором этаже. Он как раз собирался снова спуститься вниз, когда я заметил кое-что, от чего мне стало плохо даже после моего двадцатилетнего опыта. Из-под двери вилась маленькая красная полоска крови. Парень чуть не упал в обморок, когда увидел это, но мы вместе упёрлись плечами в дверь и выбили её. Окно было открыто, а рядом с ним, всё съёжившееся, лежало тело человека в ночной рубашке. Он получил ножевое ранение в левый бок. А теперь самое странное. Как вы думаете, что располагалось над убитым?

Когда Холмс сказал: «Слово РЭЙЧ, написанное кровью», я почувствовал, как мурашки забегали

по коже от ужаса.

— Именно так, — сказал Лестрейд.

В этом преступлении прослеживался такой холодный расчёт, что, несмотря на то что я был

достаточно подготовленным войной, мои нервы теперь дрожали, когда я думал об этом деле.

— Убийцу видели, — продолжал Лестрейд. — Мальчик-дояр, проходя мимо отеля по пути на молочную ферму сегодня рано утром, заметил, что к одному из окон на втором этаже приставлена лестница. Пройдя дальше, он оглянулся и увидел человека, спускающегося по лестнице. Он спускался так открыто и уверенно, что парень подумал, что он просто рабочий. Парень вспомнил, что у человека было красноватое лицо и он был одет в длинное коричневое пальто.

Я взглянул на Холмса. Описание убийцы в точности совпало с его собственным, но на его лице не было и следа удовлетворения.

— Вы нашли что-нибудь в комнате, что могло бы являться подсказкой к разгадке? — спросил он.

— Ничего, — сказал Лестрейд. — У него в кармане был кошелёк Дреббера, и в нём было около восьмидесяти фунтов. Никаких бумаг не было,

кроме телеграммы со словами «Дж. Х. в Европе», но без подписи. На столе стоял стакан с водой, а на подоконнике — маленькая коробочка с мазью и парой таблеток.

Холмс вскочил со стула, воскликнув от восторга:

— Последнее звено! — воскликнул он. — Я разгадал загадку!

Мы с двумя детективами в изумлении уставились на него.

— Теперь у меня в руках, — сказал Холмс, — все ниточки, из-за которых возник такой клубок событий. Сейчас я вам всё докажу. У вас есть эти таблетки?

— Да, вот они, — сказал Лестрейд, доставая небольшой белый пузырёк. — Хотя я не придаю их наличию особого значения.

Холмс взял пузырёк и повернулся ко мне:

— Итак, доктор, это обычные таблетки?

Конечно же, это было не так. Они были маленькие, круглые, жемчужно-серого цвета — почти прозрачные на свету.

— Судя по их лёгкости и прозрачности, я могу предположить, что они растворимы в воде, — сказал я.

— Совершенно верно, — ответил Холмс.

Затем, не говоря ни слова, он резко встал и подошёл к столу, где в мензурках и пробирках были разноцветные жидкости. Наполнив пустую ёмкость водой, он бросил туда одну из таблеток:

— Видите, доктор прав. Она сейчас же растворится.

Затем он добавил немного жидкости и с торжествующим видом сел, чтобы пронаблюдать ожидаемую реакцию.

— Это, может быть, очень занимательно, — сказал Лестрейд с недоумением, — но я не могу понять, какое это имеет отношение к смерти мистера Стэнджерсона.

— Терпение, друг мой, — ответил Холмс, не сводя глаз со стакана. — Вы скоро увидите причину моего эксперимента.

Однако ничего не произошло. Холмс вынул часы и уставился на них, но минута проходила за минутой, а в стакане не происходило никаких

изменений. Мне было жаль Холмса, когда он барабанил пальцами по столу, а два детектива улыбались и, казалось, были довольны отсутствием результата.

— Это не может быть простым совпадением, — воскликнул Холмс, наконец вскакивая со стула и энергично расхаживая взад и вперёд по комнате. — Те самые таблетки, наличие которых я заподозрил в случае с Дреббером, были найдены после смерти Стэнджерсона, но сейчас они кажутся совершенно безопасными. Что это может значить? Я не мог ошибиться во всём! — Холмс внезапно остановился: — Ах! Точно! Точно!

С восторженным криком он достал из коробки оставшуюся таблетку, бросил её в другую ёмкость и снова добавил жидкости. Вода сразу приобрела странный красно-коричневый цвет.

Холмс глубоко вздохнул и вытер пот со лба:

— Ну конечно! Из двух таблеток в пузырьке одна была смертельным ядом, а другая — без-

вредной. Я должен был понять это ещё до того, как увидел сам пузырёк.

Последнее заявление поразило меня, хотя тогда я понял, что ничто из того, что говорит или делает Холмс, не должно меня удивлять.

— Всё это кажется вам странным, — сказал он, обращаясь к двум детективам, — потому что вы сами так и не смогли найти единственно важную улику в этом деле. Я же ухватился за неё, и всё, что происходило с тех пор, подтвердило мои подозрения. То, что вас озадачило, только подтолкнуло меня к разгадке. Ошибочно путать странность с тайной. Самое обычное преступление часто бывает самым загадочным, потому что в нём нет новых или особых признаков, из которых можно было бы сделать выводы. Убийство было бы намного сложнее, если бы тело было найдено на дороге без других улик вокруг него. Эти странные подробности фактически облегчили дело.

Мистер Грегсон, который слушал с нарастающим нетерпением, не мог больше молчать:

— Послушайте, мистер Шерлок Холмс, мы признаём, что вы умный человек и имеете свои собственные методы работы, но сейчас нам нужно нечто бóльшее, чем теоретические догадки. Похоже, мы с Лестрейдом ошибались. Кажется,

вы знаете больше, чем мы, поэтому мы должны спросить вас прямо сейчас. Вы можете назвать человека, который это сделал?

— Я согласен с Грегсоном, — сказал Лестрейд. — Вы больше не можете скрывать доказательства.

— Любая задержка с арестом убийцы, — заметил я, — может привести к совершению им нового преступления.

Холмс продолжал расхаживать взад и вперёд.

— Убийств больше не будет, — сказал он. — Я знаю его имя, но трудность заключается в том, чтобы найти его не вызывая у него подозрений в том, что мы его разыскиваем. В противном случае он может изменить своё имя и исчезнуть. Не хочу вас обидеть, но я считаю, что мне определённо по силам самостоятельно найти этого человека, и поэтому я не прошу вашей помощи. Если я не справлюсь с задачей, то полностью возьму вину на себя. Я думаю, всё разрешится в ближайшее время.

Детективов это предложение отнюдь не удовлетворило. Грегсон покраснел до самых корней своих светлых волос, а глаза-бусинки Лестрейда блестели от любопытства и негодования.

В этот момент в дверь постучали, и вошёл Виг-

гинс, один из уличных мальчишек.

— Пожалуйста, сэр, — сказал он. — Кеб подан.

— Хороший мальчик, — сказал Холмс, доставая из ящика стальные наручники. — Видите, насколько хорошо действует механизм на них?

— Наши тоже хороши, — заметил Лестрейд, — если только мы найдём человека, который опробует их действие.

— Извозчик может помочь мне с моим багажом. Просто попроси его подняться, Виггинс, — сказал Холмс.

Я был удивлён его словами, потому что понятия не имел, что он собирался отправиться в путешествие, а единственным багажом был маленький чемодан, который Холмс вытащил и начал застёгивать на нём ремешок, когда вошёл извозчик.

— Просто помогите мне с пряжкой, — сказал он, всё ещё борясь с ремешком.

Извозчик с угрюмым, вызывающим выражением лица прошёл вперёд и наклонился, чтобы помочь. В одно мгновение раздался резкий щел-

чок, звяканье металла — и Холмс снова вскочил на ноги.

— Джентльмены, — воскликнул он, сверкнув глазами, — позвольте мне познакомить вас с мистером Джефферсоном Хоупом, убийцей Еноха Дреббера и Джозефа Стэнджерсона.

Всё произошло так быстро, что у меня не было времени осознать происходящее, но я всегда буду помнить торжествующее выражение лица Холмса и звон его голоса, а также ошеломлённое лицо извозчика, когда он смотрел на блестящие наручники, которые появились, как по волшебству, на его запястьях.

На мгновение мы, должно быть, походили на группу статуй, затем с рёвом ярости пленник вырвался из хватки Холмса и бросился к окну. Прежде чем он выпрыгнул через уже разбитое окно, Грегсон, Лестрейд и Холмс набросились на него и затащили обратно в комнату. Он был таким сильным и свирепым, что снова и снова давал отпор нам четверым. Его лицо и руки были изрезаны стеклом, но потеря крови не повлияла на силу его сопротивления. И только когда Лестрейд схватился за воротник и наполовину задушил его, тот понял, что проиграл борьбу. Тем не менее мы не чувствовали себя в безопасности

до того момента, пока не связали ему руки и ноги. Затем мы все поднялись на ноги, задыхаясь и тяжело дыша.

— У нас есть его кеб, — сказал Холмс. — На нём мы и доставим его в Скотленд-Ярд.

Оказавшись связанным, наш арестованный дружелюбно улыбнулся и сказал, что надеется, что не причинил нам вреда.

— Если вы развяжете мне ноги, я спущусь вниз сам, — сказал он.

Грегсон и Лестрейд недоверчиво переглянулись, но Холмс ослабил верёвку вокруг лодыжек

заключённого. Тот встал и потянулся. В тот момент я подумал, что никогда не видел человека более крепкого телосложения. Его смуглое, загорелое лицо выражало решимость, столь же грозную, как и его сила.

— Если есть вакансия начальника полиции, я считаю, что вы отлично подходите на эту должность, — сказал он, с восхищением глядя на Холмса. — То, как вы шли по моему следу, просто поразительно.

— Я за извозчика, — сказал Лестрейд.

— Хорошо, — сказал Холмс.

— Грегсон, вы можете поехать со мной — и вы тоже, Ватсон. Вы оба проявили интерес к делу и заслуживаете увидеть развязку.

Я с радостью согласился, и мы все вместе спустились вниз, арестованный при этом даже не пытался сбежать. Мы сели в кеб, а Лестрейд сел на место извозчика и хлестнул лошадь вожжой.

Когда мы подъехали к полицейскому участку, инспектор записал имя этого человека и имена людей, которых он убил.

— Заключённый предстанет перед мировым судьёй в течение недели, — сказал он. — А пока, мистер Джефферсон Хоуп, хотите ли вы что-нибудь сказать?

— Мне есть что сказать, — медленно произнёс Хоуп. — Я хочу рассказать вам всё о том, что сделал, джентльмены.

— Не лучше ли вам приберечь это для суда? — спросил инспектор.

— До этого дело может не дойти, — ответил Хоуп. — И я не думаю о самоубийстве. — Он повернулся ко мне и, пронзив холодным взглядом, спросил: — Вы ведь доктор?

— Верно, — ответил я.

— Тогда положите свою руку вот сюда, — сказал он с улыбкой и указал на свою грудь.

Я сделал это и заметил характерную пульсацию в его груди.

— У вас аневризма аорты! Основная артерия вашего сердца надувается, как воздушный шар.

— Всё так, — сказал он. — На прошлой неделе я ходил к врачу, и он сказал, что она может лопнуть в любой момент. Я сделал свою работу, и мне всё равно, как скоро я умру, но прежде я хотел

бы объяснить, почему я сделал то, что сделал. Я не хочу, чтобы меня вспоминали как обычного головореза.

Инспектор и два детектива спешно обсудили ситуацию.

— Вы считаете, доктор, что существует непосредственная опасность смерти? — спросил инспектор.

— Очень большая, — ответил я.

— В таком случае очевидно, что мы обязаны принять его заявление. Вы можете всё рассказать, сэр. Но всё, что вы скажете, будет записано прямо сейчас.

Хоуп устало сел, и было видно, что борьба вымотала его.

— Поскольку я нахожусь на грани смерти, я вряд ли буду вам лгать. Каждое моё слово — абсолютная правда.

Он откинулся на спинку стула и спокойно начал свой рассказ, в то время как Лестрейд записывал его в свой блокнот.

— Люди, которых я убил, были виновны в убийстве двух человек — отца и его дочери. Прошло столько времени, что ни один суд не вынесет им приговора. Я решил, что должен быть судьёй, присяжным и палачом в одном лице. Вы посту-

пили бы так же, если бы были на моём месте.

Девушка, о которой я говорил, должна была выйти за меня замуж двадцать лет назад. Впервые я встретил её недалеко от одного из великих городов Америки. Было тёплое июньское утро, и она ехала в город. С пастбищ приходили стада овец и крупного рогатого скота. Сквозь них скакала на лошади Люси Феррье, её лицо краснело от прыжков, а длинные каштановые волосы ниспадали на спину. Я сразу же был сражён её красотой и умелым мастерством верховой езды, но, когда она попыталась обогнать стадо свирепых длиннорогих быков, оно её внезапно окружило. Её лошадь, должно быть, была проткнута рогом, потому что она встала на дыбы, угрожая выбросить Люси из седла. Ситуация могла быть фатальной, поэтому я схватил её лошадь и пробился сквозь скот.

Хоуп поёрзал в кресле, и мы ждали, пока он продолжит рассказ:

— Она не пострадала. Я вернулся к своим товарищам, и мы продолжили наш путь в поисках серебра, но я не мог выбросить эту девушку из головы. Я был уверен, что это дочь Джона Феррье, потому как видел, что она выходила из его дома. Он и мой отец были друзьями.

В ту ночь я посетил Джона Феррье, и он рассказал мне свою историю. В 1847 году он и его семья присоединились к небольшой группе, направлявшейся на запад в поисках места для поселения, но

земли были суровы и неумолимы, и там обитали медведи и банды индейцев. Феррье и маленькая девочка Люси были последними выжившими в группе. Из последних сил он поднял её на сопку, чтобы окинуть сверху взглядом равнину в поисках воды. Он отдал Люси последнюю еду, и они лежали там, готовясь умереть, когда огромная группа людей из религиозной общины нашла их, и они были спасены от неминуемой смерти. Дреббер и Стэнджерсон были частью этой общины.

Эта община приняла их при условии, что они будут следовать их религии и образу жизни, чему Феррье был рад. На протяжении многих лет он упорно работал и построил ферму, которая процветала. Он принял Люси как свою дочь, и она выросла, чтобы стать той молодой женщиной, которую я встретил.

Я много раз навещал Феррье и Люси, пока, наконец, мне не пришлось уехать на пару месяцев. Но сначала я попросил Люси дождаться меня и пообещал, что мы поженимся, когда я вернусь. Она согласилась, и я уехал, прежде чем моя решимость ослабла.

Хоуп остановился, чтобы сделать глоток чая, который нам всем принесли. Я взглянул на Холмса, на лице которого было выражение недоумения, как будто он пытался сопоставить рассказ с фактами, которые у нас были.

— Через два месяца я вернулся, — продолжил Хоуп. — Путешествие было трудным, и в течение сорока восьми часов у меня не было еды, поэтому я подошёл к их порогу измученный, но прежде заметил, что за домом наблюдают странные лю-

ди. Я буквально прополз последние несколько ярдов, чтобы они меня не увидели. Феррье дал мне холодное мясо и хлеб, и, как только я поел, я спросил о Люси.

Феррье сказал мне, что она в безопасности, и схватил меня за руку. Он объяснил, что Люси обещали другому мужчине и скоро состоится свадьба. Джона обвинили в нарушении его обещания соблюдать определённый образ жизни группы, и пригрозили ему расправой. Эти люди были безжалостными и жестокими. Они дали Люси двадцать восемь дней на выбор между двумя молодыми людьми, сыновьями вождей, как это было заведено в их обществе. Джон не желал этого своей дочери. Позже я узнал, что этими людьми были Дреббер и Стэнджерсон. Каждый день Феррье обнаруживали на стенах своего дома нарисованные цифры, приближающие их к злополучному часу, — отсчёт шёл от двадцати восьми.

Я сказал Джону, что меня ждут мул и две лошади в Орлином ущелье и что мы должны немедленно уехать. Он разбудил Люси, и мы подкрались к боковому окну, так как за передним и задним наблюдали. Я знал, что Феррье было грустно покидать ферму, которую он построил с нуля, но выбора у него не было.

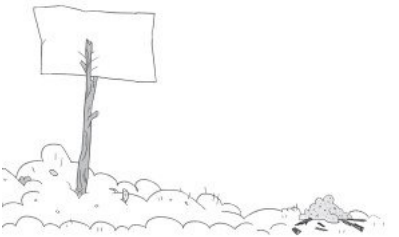
Мы осторожно открыли окно и подождали, пока ночь не опустилась на город. Один за другим мы выбрались в садик. Затем мы пригнулись и бросились к укрытию в живой изгороди[8]. Именно тогда я услышал грустное улюлюканье горной совы совсем рядом, а неподалёку раздался такой же звук. Я понял, что это был сигнал, который люди, наблюдающие за домом, использовали для общения друг с другом, поэтому я затащил Люси и Феррье глубже в изгородь. Появились две тёмные фигуры, и я услышал, как они перешёптываются о планах похищения Люси этой ночью.

[8] Примечания: 8

Живая изгородь — это ряд кустарников или невысоких деревьев, посаженных близко друг к другу и образующих сплошную стену.

Выйдя из дома, мы уже неплохо продвинулись вперёд и обнаружили, что мул и лошади ждут. Мы оседлали их и направились в горы. Два дня мы были в пути, к тому времени у нас кончилась провизия, поэтому я ушёл на охоту. Когда я вернулся пятью часами позже, их уже не было и всё, что осталось, — это лишь небольшая кучка тлеющей золы на месте костра. Рядом была недавно вырытая могила. В неё была воткнута палка, а на её верхушке был лист бумаги. Он гласил:

«Джон Феррье умер 4 августа 1860 года».



Люси нигде не было видно, а через несколько дней на обратном пути в город я встретил знакомого мне человека.

«Ты сошёл с ума, раз решил прийти сюда, — сказал он. — На тебя есть ордер за то, что ты помог Феррье бежать». Когда я спросил о Люси, он сказал мне, что накануне она вышла замуж за Дреббера. Но не прошло и месяца, как пришло ужасающее известие о том, что она умерла от отчаяния. Накануне её похорон, не заботясь о собственной безопасности, я вошёл в комнату, где она лежала, оплакиваемая другими женщинами. Я наклонился и поцеловал её холодный лоб, затем взял её нежную руку и снял с неё обручальное кольцо. Она не должна была быть похоронена с этим кольцом, которое являлось доказательством того, что она принадлежит человеку, который ничего

для неё не значил.

Холмс кивнул в ответ, и тут я понял значение загадочного золотого кольца. Моё сердце было с этим мужчиной, который так сильно любил женщину, что отдал свою жизнь, чтобы отомстить за её короткую и несчастную.

— Пожалуйста, продолжайте, — призвал Холмс.

— Вся моя жизнь после этого была сосредоточена на том, чтобы отомстить за её смерть и выследить Дреббера и Стэнджерсона. Спустя много лет я случайно заметил одного из них в Кливленде, но он тоже увидел меня и сообщил обо мне в полицию. Когда меня освободили, я

узнал, что они уехали в Европу. В конце концов я последовал за ними в Лондон, но это было нелегко. Они были богаты, а я беден. Тогда у меня возникла идея подать заявку на работу извозчиком, поскольку езда для меня — вторая натура. Самым трудным было ориентироваться на дороге, но рядом со мной была карта, и, определив основные отели и вокзалы, я довольно неплохо справлялся.

Наконец-то я узнал, где живут эти двое джентльменов, — в пансионе в Кэмберуэлле. Я отрастил бороду, чтобы замаскироваться, и неустанно следовал за ними, выжидая своего часа. Было легко преследовать их в моём кебе, не вызывая подозрений, хотя они, должно быть, подозревали, что существует некоторая опасность, потому как они никогда не выходили из пансиона одни, и тем более после наступления темноты. Дреббер бо́льшую часть времени был пьян, но Стэнджерсон всегда был начеку, и я следил за ними в течение двух недель, прежде чем увидел свой шанс.

Однажды вечером я проезжал мимо их пансиона, когда рядом остановился кеб и вынесли багаж, а за ним вышли Дреббер и Стэнджерсон. Я попросил мальчика присмотреть за моей лошадью и проследовал за ними. Я слышал, как они спросили о поезде до Ливерпуля, но охранник сказал им, что поезд только что ушёл и в ближайшие несколько часов другого не будет. Я был так близко, что мог слышать всё, о чём они говорили. Дреббер сказал, что у него есть одно дело и он вернётся за Стэнджерсоном позже. Последний был недоволен, так как они договорились не расставаться, но в конце концов сошлись на том, что если они опоздают на последний поезд, то

встретятся в частной гостинице «Холлидей».

Вот и настал мой час, после всех этих лет, но я не был слишком торопливым и тщательно спланировал свои действия. Я знал о доме в Брикстоне, который пустовал. Джентльмен, которого я привёз туда, чтобы он осмотрел собственность, уронил ключи в моём кебе. Теперь мне нужно было решить проблему с тем, как привести туда Дреббера, поэтому я последовал за ним. После нескольких остановок в винных магазинах, его походка стала нетвёрдой, и в конце концов он поймал карету. Я поехал за ним в своём кебе и был поражён, когда он вернулся к себе домой.

В этот момент Хоуп поднял голову и попросил воды:

— У меня во рту пересыхает от всей этой болтовни.

Я протянул ему стакан, и он его выпил.

— Примерно через четверть часа в доме произошла стычка. Дверь распахнулась, выбежали двое мужчин — Дреббер и какой-то незнакомец. Этот парень схватил Дреббера за шиворот и выбросил его на улицу. Дреббер немного пошатнулся на дороге, затем увидел мой кеб и запрыгнул в него. «Отвезите меня в частный отель „Холлидей”», — сказал он.

Когда он оказался в кебе, моё сердце подпрыгнуло от такой радости, что я подумал, что моя аневризма может тут же лопнуть. Понимаете, я не собирался хладнокровно убивать его. У него был шанс выжить. Несколько лет назад я работал дворником в лаборатории, когда один профессор показывал своим студентам химическое вещество, выделенное из какого-то южноамериканского яда для стрел. Я взял немного этого вещества и всегда держал коробочку при себе.

Было около часа ночи. Ночь была унылая, дикая, дул сильный ветер и лил проливной дождь. Не было видно ни души. Дреббер забыл-

ся в пьяном сне, и я потряс его за руку. «Мы на месте», — сказал я. Думая, что мы подъехали к отелю, он вышел и последовал за мной в сад. Я открыл дверь и помог ему войти в гостиную.

«Темно», — сказал он, топая ногами. «Скоро станет светло», — ответил я, чиркнув спичкой и зажигая восковую свечу, которую принёс с собой. «А теперь, Енох Дреббер, — сказал я, поворачиваясь к нему и поднося свечу к лицу, — скажите мне, кто я?»

Он посмотрел на меня, и на его лице медленно появлялось выражение ужаса. При этом зрелище я улыбнулся — месть была сладкой.

«Что ты думаешь о Люси Феррье сейчас? — вос-

кликнул я, запирая дверь и тряся ключом перед его лицом. — Наказание заставило себя ждать, но наконец настигло тебя». «Ты убьёшь меня?» — спросил он. «Речь не идёт об убийстве, — сказал я. — Кто убивает бешеную собаку? Смилостивился ли ты над моей бедной любимой, когда разбил её невинное сердце? — Я поставил перед ним пузырёк с таблетками: — Пусть Бог рассудит нас. Выбери одну и выпей. В одной таблетке смерть, а в другой — жизнь. Я возьму то, что ты оставишь. Посмотрим, царит ли на земле справедливость или нами правит случай».

Он уклонялся с дикими криками и молитвами о милосердии, но в конце концов он послушал меня. Я проглотил оставшуюся таблетку, и минуту или две мы стояли лицом друг к другу в молчании, ожидая, кому было уготовано жить, а кому — умереть. Я никогда не забуду выражение его лица, когда первые предупреждающие боли дали ему понять, что яд находился в его таблетке. Я засмеялся, увидев это, и потряс обручальным кольцом Люси перед его глазами. Яд подействовал быстро. Он пошатнулся и тяжело упал на пол. Он был мёртв!

Мы все молчали, когда слушали эту ужасную историю и видели, что двадцать лет горечи и ненависти могут сделать с человеком.

— Кровь потекла из моего носа, — продолжал он, — и я не знаю, что заставило меня написать ею на стене. Возможно, это должно было направить полицию по ложному следу. Я вспомнил случай в Нью-Йорке, когда немец написал слово РЭЙЧ, которое сбило с толку полицию и газеты. Затем я ушёл, но, проехав совсем немного, обнаружил, что кольцо Люси пропало из моего кармана. Я вернулся, оставив кеб в переулке. Я попал прямо в лапы полиции, и мне пришлось притвориться безнадёжно пьяным.

— А Стэнджерсон? — спросил Грегсон.

— Стэнджерсон… — сказал Хоуп. — Я должен был сделать то же самое с ним, чтобы почтить память Джона Феррье. Я весь день ждал возле гостиницы «Холлидей», но он не вышел. Он был хитрым и всегда был настороже. На следующее утро я воспользовался валявшейся у гостиницы лестницей и залез в его комнату через окно.

Я рассказал ему, что случилось с Дреббером, и дал ему тот же набор таблеток. Вместо того чтобы воспользоваться шансом, который я ему предложил, он вцепился мне в горло, и я был вынужден ударить его ножом для самообороны. И это всё, что я хотел рассказать, джентльмены. Я продолжал работать извозчиком ещё несколько дней, чтобы накопить достаточно денег для возвращения в Америку. Сегодня я стоял во дворе, когда оборванный мальчик спросил, есть ли извозчик по имени Джефферсон Хоуп, и сказал, что его разыскивает джентльмен с Бейкер-стрит, 221-Б. Я пошёл за ним, не ожидая ничего серьёзного, но следующее, что я увидел, — это браслеты на моих запястьях. Это моя история, господа. Вы можете

считать меня убийцей, но я думаю, что я так же вершу правосудие, как и вы.

Эта захватывающая история произвела на нас глубокое впечатление. Когда Хоуп закончил, мы ещё несколько минут сидели в тишине, нарушаемой только царапаньем карандаша Лестрейда в его блокноте.

Наконец Холмс заговорил:

— Кто был вашим сообщником, который пришёл за кольцом, о котором я писал в газете?

Заключённый подмигнул:

— Я увидел ваше объявление и подумал, что это может быть уловкой, поэтому мой друг вызвался пойти и посмотреть. Думаю, вы согласитесь, что он сделал это хорошо?

— В этом нет сомнений, — сказал Холмс.

Нас прервал инспектор:

— Ну что ж, джентльмены, пленник будет доставлен к судьям в четверг, и там потребуется ваше присутствие.

Он позвонил, и Джефферсона Хоупа увели двое офицеров, а мы с другом вернулись обратно на Бейкер-стрит.

К четвергу, однако, нам уже не нужно было никуда ехать. В ту же ночь после его поимки у Джефферсона Хоупа лопнула аневризма, и на

следующее утро его нашли на полу камеры с застывшей умиротворённой улыбкой на лице.

— Грегсон и Лестрейд будут в ярости от его смерти, — сказал Холмс, когда мы на следующий вечер сидели у камина. — Все их надежды на шумный успех рухнули.

— Но они ведь не имели никакого отношения к его поимке, — сказал я.

— В этом мире важно не то, много ли вы сделали на самом деле, а удастся ли вам убедить окружающих, что вами сделано очень много, — с горечью сказал Холмс. — Но я рад, что не пропустил это расследование. Каким бы простым оно ни было, в нём было несколько поучительных моментов.

— Простым! — воскликнул я.

— Что ж, я не могу описать его иначе, — сказал Холмс, улыбаясь. — Используя лишь элементарные методы дедукции, я смог вычислить преступника в течение трёх дней.

— Это правда, — согласился я. — Я уже объяснил, что то, что делает дело необычным, даёт преимущество в решении загадки. Есть также очень полезный и очень простой навык, которому люди уделяют не особо много внимания: искусство рассуждать задом наперёд. Немногие люди, если бы вы сказали им результат, смогли

бы рассказать вам, какие шаги привели к такому результату. Позвольте мне показать вам разные этапы моих рассуждений.

Я откинулся на спинку стула в ожидании разъяснений.

— Как вы уже знаете, я подошёл к дому пешком, — начал Холмс, беря трубку и набивая её. — Я начал с осмотра дороги, где, как вы знаете, обнаружил следы кеба, который, должно быть, был там ночью. Я узнал, что это кеб, по следам колёс. Затем я пошёл по тропинке и осмотрел следы. Я видел свежие следы полиции, но под ними были следы двух мужчин, которые первыми прошли через сад. Это была моя вторая догадка, которая сообщила мне, что было два посетителя: один высокий, судя по длине его шага, и один — одетый по моде, судя по маленьким элегантным ботинкам. Войдя в дом, я заметил, что передо мной лежит хорошо одетый мужчина, соответственно, высокий должен быть убийцей. На его теле не было ран, но выражение его лица показало мне, что он видел свою смерть до того, как она настигла его. Обнюхав губы мертвеца, я почувствовал кислый запах и пришёл к выводу, что его отравили. Теперь возник большой вопрос о мотивах. Это не было грабежом. Тогда причиной должна быть

политика или женщина? Политические убийцы обычно делают своё дело и сразу бегут, но этот человек задержался и написал на стене. Когда было найдено кольцо, вопрос решился сам собой.

Затем я внимательно осмотрел комнату, которая подтвердила рост убийцы, длину его ногтей и тот факт, что он курил сигары из Тируччираппалли.

Поскольку признаков борьбы не было, кровь должна была принадлежать убийце. Я подозревал кровотечение из носа, поэтому заподозрил краснолицего мужчину. Я уже пришёл к выводу, что человек, вошедший в дом, также управлял кебом. Следы на дороге показали, что лошадь довольно долго бродила возле дома, чего не произошло бы, если бы извозчик оставался на месте. И что может быть лучше для отслеживания кого-либо, чем кеб? Я предполагал, что он пока продолжит быть извозчиком, чтобы избежать подозрений, поэтому заручился помощью своих уличных мальчишек и отправил их в каждую компанию по перевозке людей в Лондоне, пока они не разыщут нужного мне человека. Убийство Стэнджерсона было неожиданным, но, благодаря этой трагедии, я получил таблетки, которые подтвердили, что Дреббер был отравлен. Видите ли,

всё это представляет собой цепочку логических последовательностей без разрывов и изъянов.

— Феноменально! — воскликнул я. — Ваши навыки должны быть публично признаны. Вы должны опубликовать отчёт о деле. Если вы этого не сделаете, я сделаю это за вас.

— Вы можете делать что хотите, доктор, — ответил он. — Смотрите. — Он протянул мне копию «Эхо» и указал на статью. — Разве я не говорил вам об этом, когда мы начинали? — со смехом сказал Холмс: — Вот результат нашего расследования: они получат медаль!

— Неважно, — ответил я. — Все факты изложены в моём дневнике, и общественность должна их знать. А пока вы должны довольствоваться осознанием своего собственного успеха.

Холмс улыбнулся своей слегка весёлой и слегка самодовольной улыбкой, откинулся на спинку стула и закурил трубку.